

МАКСИМ МАЛЯВИН
ЗАПИСКИ
ПСИХИАТРА

или
всем галоперидолу
за счет заведения

Максим Малявин
Записки психиатра, или Всем галоперидолу за счет заведения
Серия «Приемный покой»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5003041

*Малявин, М. Записки психиатра, или Всем галоперидолу за счет заведения : АСТ, Астрель-СПб; Москва, СПб; 2011
ISBN 978-5-271-45807-1, 978-5-9725-1969-9*

Аннотация

Не спится из-за боязни за судьбу человечества? Соседи затеяли недоброе и пускают через вентиляцию отравляющий газ, а через розетки – смертоносные лучи? Жена изменяет с инопланетянами? А может, она еще и ведьма к тому же? Соседняя галактика готовится к вторжению на Землю через ваш балкон? Спасение есть – вызывайте нашу психиатрическую спецбригаду. У нас отличные специалисты, высококлассный (хоть и слегка навязчивый) сервис, палаты с окнами на солнечную сторону, гречневой каши просто завались – очень помогает от дурных мыслей...

Содержание

Вступление	5
Вуайеристы поневоле	8
Слава ГИБДД!	11
Дерьмовый вызов	14
Бдительный	17
Кинг-Конг	19
Да ты ведьма!	21
Гражданская оборона	24
Пулька	27
Сэнсэй	32
Дадим человечеству шанс	35
Анонимный двойник	39
Уринотерапия	41
Проверяющий	43
Ботва	46
Дурдом	47
Демонический туризм	49
Анатомичка	53
Проф	57
Как вы его назовете	60
Орден почетного алкоголика третьей степени	64
Убойный эпитет	67
Доктор, голос!	69

Средство от соседей	72
Белочка. Она же котик	76
Эпически-ностальгическое	79
Муж и жена	89
То ли лыжи не едут...	93
Дебильная демография	98
Инородные тела	100
Обликвус	103
Еще одна белочка. И лошадка	106
Довженко и не снилось	109
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Максим Малявин

Записки психиатра, или Всем галоперидолу за счет заведения

Вступление

Есть мнение, что не человек выбирает специальность, а очень даже наоборот. Мнение интересное, но, на мой взгляд, оно несколько пахнет фатализмом и умаляет роль личности в истории, пусть даже это история болезни. Все-таки приятно тешить себя иллюзией свободы выбора, будь то выбор профессии или спутницы жизни. Ладно, согласен, со вторым я чрезвычайно самонадеян и нагло себе льщу, но профессию выбрал сам и только сам. Собственно, выбор окончательно сформировался (кристаллизовался, как сказали бы коллеги) к четвертому курсу, когда начался цикл занятий по психиатрии. Все сошлось воедино: и тематика предмета, и характерологические особенности учителей, и особая харизма самой психиатрической больницы, раскидавшей свой корпус среди вековых деревьев Томашева колка – некогда деревни, ныне одного из районов Самары. Логика и

холодный расчет тут и рядом не стояли. А потом был шестой курс, когда более половины всех занятий у нашей особой группы приходилось на психиатрию. А потом – собственно интернатура, которую мы проходили вместе с будущей женой (ни разу не хотевшей стать психиатром, но, поскольку с инфекционистами не вышло, то почему бы и нет?). Интереснейшие и умнейшие преподаватели и врачи, атмосфера старых корпусов (в некоторых сохранились еще те, столетней давности дубовые двери и окна со стеклами в палец толщиной и с отдельной клетушкой для керосиновой лампы между рамами), неповторимая логика и философия предмета – боже, как все это было интересно!

А потом – другой город, другая больница. Дом у шоссе, тогда еще новенький, пахнувший краской, побелкой и свежестеленным линолеумом. Больничный комплекс, включающий в себя все, что нужно для автономного существования: поликлинику, дневной и круглосуточный стационары, лечебно-трудоустроенные мастерские и даже спецбригаду – таких гренадеров в белых халатах с бесконечно добрыми лицами. И пара санитарных машин – «барбухаек» для комплекта. И вот уже пятнадцать с хвостиком лет нашей работы здесь. При таком стаже работы кажется, что почти миллионный город отличается от деревни только этажностью застройки и временем на проезд из конца в конец. Стоит же зайти на рынок или просто прогуляться по улице...

– Здравствуйте, как самочувствие? Таблеточки пьете? А

отчего вас так долго на приеме не было? Непорядок...

Специфика заболеваний и особенности оказания помощи, порой недобровольной, отгораживают психиатрию стеной недосказанности и таинственности, местами переходящей в паранойяльную озабоченность, с теориями заговора и пугалами карателей от медицины по одну сторону регистратуры, и особым прищуром, с понимающим покачиванием головы – дескать, идейки у вас, батенька, того – по другую. Хотелось бы, чтобы эта книга помогла хотя бы отчасти преодолеть это отчуждение и недосказанность, приподняв завесу тайны над психиатрической кухней. Если нет – опять же, ничего страшного: пугало – тоже имидж.

P. S. Все имена действующих лиц изменены. Любые совпадения прошу считать случайными.

Вуайеристы поневоле

Психиатрические больницы могут располагаться либо в черте города, либо за оной. Причем старые больницы, на мой взгляд, чаще строились все же вне городов. Гатчинская, Калужская, Самарская (когда она строилась, Томашев коллок был еще колком¹, а не городским районом), Ульяновская Карамзинка... Эта изоляция пациентов от горожан была на пользу как тем, так и другим. Наша психбольница тоже вначале была у черта на куличках, но потом чью-то голову посетила идея – и ее тогда не сочли бредовой, – что сему заведению самое место на стыке районов. С одной стороны, и медперсоналу на работу ездить недалеко, и больного можно быстро доставить. С другой...

Забрав на очередном вызове буйную пациентку, машина взяла курс на дурдом. Всю дорогу санитары предпринимали безуспешные попытки хоть как-то ограничить метания дамы по салону, потому что вязки, понадеявшись друг на друга, с собой не взяли. Для тех, кто не в курсе: вязки – это несколько метров фланелевой ткани, сложенной и простроченной в виде толстого жгута. Они заменяют такую полезную, но ушедшую в историю вещь, как смирительная рубашка – считается, что этот пережиток темного прошлого позорит психиат-

¹ Коллок – участок леса посреди поля.

рию как отъявленно гуманную специальность и унижает пациента. Ага, а вязки его возвеличивают чрезвычайно. Фельдшер решил, что без пары кубиков аминазина² тут никак, набрал шприц, промолвил: «Иншалла, мля», – и влился в коллектив. Теперь один из санитаров пытался удержать больную за руки, другой – за ноги, а фельдшер – оголить ей зад и сделать целебный укол. Игла пронзила мягкие ткани, даму обуяли изумление и душевный трепет, и негодяи мужского пола разлетелись в стороны, аки ласточки (есть, есть женщины в русских селеньях!). В этот самый момент машина вильнула, даму качнуло, она угодила голой попой с победно торчащим из нее шприцем аккурат в открытое бортовое окошко и на некоторое время в нем застряла. Все бы ничего, но в полдень на шоссе очень оживленное движение. «Уазик» с красующейся в окне задницей, увенчанной воткнутым в нее шприцем, гордо обошел строй троллейбусов, автобусов и маршруток (мигалки, сирена, расплющенные о стекла губы и носы благодарных зрителей) и свернул во двор психдиспансера. Занавес, аплодисменты.

² Аминазин – антипсихотический препарат. Оказывает сильное успокаивающее действие.

ХТО ЗДЕСЬ?

Слава ГИБДД!

Множество инструкций написано на тему, как себя вести в случае, если вас захватили в заложники. Все они настолько же интересны, насколько малополезны. Прежде всего, редко кто читает подобную писанину именно как руководство для личного пользования – вот, мол, как стану заложником, как блесну знаниями, как поставят мне пятерочку! А оказавшись в реальной ситуации, опять же мало кто сумеет, как положено по инструкции, взять себя в руки, проявлять спокойствие и... что там далее по пунктам? Главное, не перепутать.

Дело было зимой. Снега по области выпало не просто много, а **ОЧЕНЬ** много. Придя утром на работу, я долго в одиночестве бродил по поликлинике, поскольку сам с грехом пополам добрался на машине, а остальные либо еще ехали в чрезвычайно метеозависимом общественном транспорте, либо до сих пор откапывали свои авто. На очередном витке по коридору меня на хорошей скорости обошел парень в трусах. Собственно, больше на нем ничего и не было. Подлетев к выходу, он попытался в прыжке высадить плечом дверь, но та оказалась крепче. Саданув в нее еще разок, он нахмурился, задумался на пару мгновений, а затем осторожно потянул за ручку на себя. Дверь открылась. Парень с секунду что-то осмысливал, а потом выскочил на крыльцо и рванул по сугробам аки козлик, только его и видели. Выяснить, из

какого отделения он сбежал, долго не пришлось: уже через несколько минут по его следам с матюгами пробежали санитары. Как и следовало ожидать, план-перехват результатов не дал. Спецбригада, не успевшая откопать свою барбухайку из-под снега, участвовать в погоне категорически отказалась. А вскоре в приемном покое раздался телефонный звонок. Звонили с поста ГИБДД (это всего в километре от нас по шоссе), просили «забрать своего нудиста».

Как выяснилось позже, наш спринтер просек, что по таким сугробам ему далеко не уйти, да и прикид не по сезону, и выскочил на шоссе голосовать. Причем выскочил в буквальном смысле, как чертик из табакерки материализовавшись перед мирно едущей «десяткой», и, широко расставив руки-ноги, вынудил водителя остановить машину. Представьте себе состояние человека, который едет себе на работу, никого не трогает, плавно переходит в бодрствующий режим, и тут – на тебе, получи, фашист, гранату от советского бойца! А наш пациент, недолго думая, открыл дверь, прыгнул в машину и серьезно так сказал: «Гони, мол, до Уругвая!» Пришлось подчиниться. Спасительный план возник у водителя на подъезде к посту ГИБДД.

По словам сотрудников ГИБДД, они изрядно удивились, когда ехавшая по шоссе «десятка» вдруг резко вильнула и пошла, можно сказать, на таран, лихо притормозив в каких-то сантиметрах от бетонной стенки стационарного поста. Из машины выскочил водитель и бросился к сотрудни-

кам. «Первый раз видел, чтобы нам так были рады», – рассказывал потом один из них. Позже, в одеяле и в наручниках – «а то кто его знает» – беглец был возвращен в отделение.

Дерьмовый вызов

Эпитет «дерьмовый» применяют по делу и не совсем, вкладывая в это изначально яркое и душистое понятие нечто негативное и нежелательное. Бывают, однако, случаи, когда в дополнительных подразумеваемых смыслах и оттенках нет нужды, а суть ситуации передается прямым значением слова. Спецбригада отправилась на вызов. Все как обычно: женщина в обострении, есть показания для недобровольной госпитализации, доступ в квартиру будет обеспечен кем-то из родственников больной. Выехали полным составом – врач, фельдшер, санитар. Остальной персонал приемного покоя коротал время за привычными занятиями: кости, бильярд, книги – что душа просит. Примерно через полтора часа спецбригадовский «уазик» медленно и печально скрипнул тормозами у крылечка. Повисла выдержанная в лучших театральных традициях пауза, во время которой все гарантированно отвлеклись от дел и обратили свое внимание на прибывшую машину, а потом дверь салона медленно открылась. Сначала показался ГРУСТНЫЙ И ВЕСЬ В ДЕРЬМЕ доктор с топором в руке, следом – ГРУСТНЫЙ И ВЕСЬ В ДЕРЬМЕ фельдшер с кухонным ножом в руке, а за ними ГРУСТНЫЙ И ВЕСЬ В ДЕРЬМЕ санитар, держа за ворот ночной рубашки ГРУСТНУЮ И ВСЮ В ДЕРЬМЕ больную. Замыкал процессию ГРУСТНЫЙ И ВЕСЬ В ДЕРЬМЕ во-

дитель. Когда удалось всех отмыть и переодеть, а больную, соответственно, госпитализировать, выяснились подробности. Прибыв на место, спецбригада обнаружила, что встречу им больная подготовила теплую и с запашком. Во-первых, она заблаговременно «заминировала» всю квартиру кучками дерьма на газетках и теперь метко ими кидалась. Во-вторых, по всей видимости, не вполне доверяя метательному арсеналу, больная вооружилась ножом и топором, как те романтики с большой дороги. Операция по поимке и извлечению пациентки из квартиры проходила весело и задорно, с валянием кучи-малы по загаженной жилплощади и изъятием у пациентки колюще-режущие-рубящих предметов повседневного быта российских сумасшедших домохозяек. В машине веселье продолжилось – больная ни в какую не желала признать себя таковой и всеми путями, вплоть до рукоприкладства, старалась убедить медиков, что смена места жительства, даже временная, не пойдет ей на пользу. Ввязавшегося в дискуссию водителя тоже повалили по салону и, соответственно, угваздали в дерьме. Потом все же умудрились пациентку зафиксировать, сделали аминазин...

В машине потом еще долго сохранялась специфическая аура.

Бдительный

Работал в нашей спецбригаде санитар по прозвищу Бдительный. Трудно сказать, когда и при каких обстоятельствах он получил это прозвище, но соответствовал ему довольно точно и в критические моменты вполне его оправдывал, а однажды даже оправдал сверх ожидаемого. Как-то раз, когда персонал спецбригады коротал время между вызовами, во двор-колодец приемного покоя въехал милицейский «уазик-буханка». Оттуда вышел лейтенант и направился к сидящим на крылечке санитарам и фельдшерам.

– Вашего привез, забирайте.

Бывает, и нередко, что наш пациент, находясь в обострении, что-нибудь натворит или с кем-нибудь поцапается. Тогда его забирают в милицию, а уже оттуда, разобравшись, что к чему, доставляют к нам.

– Только он выходить из машины не хочет, так что вы уж сами как-нибудь...

Бдительный не спеша подошел к машине, открыл дверь и скомандовал:

– Вылазь.

Не дождавшись ответа, он вздохнул, извлек из недр «УАЗа» мужчину и, держа его одной рукой за ворот, а другой за ремень, понес в приемный покой. Лейтенант как раз рассказывал, как к ним попал больной. Увидев Бдительного с до-

бычей, он пару мгновений хватал воздух ртом, а затем выпалил скороговоркой:

– Что вы, что вы, этого не надо, это наш сотрудник, он просто не в форме... немного.

После паузы Бдительный поставил сотрудника на землю, аккуратно отряхнул с него пыль и вновь направился к машине. Пациент с ужасом в глазах выглядывал откуда-то из-под сиденья.

– Вылазь.

На этот раз выносить никого не пришлось.

Кинг-Конг

В отличие от неясной этиологии прозвища Бдительный, с прозвищем моего знакомого и хорошего друга, фельдшера спецбригады, как раз все ясно. Персонал и некоторые пациенты зовут его Кинг-Конг. Почему? Из-за тактики, применяемой им при сопротивлении особо крупных или особо буйных пациентов: он прыгает на них, оплетает руками и ногами

и говорит на ушко всякие прелести. Действует безотказно.

Да ты ведьма!

Будучи в обострении, пациент зачастую демонстрирует нечеловеческую силу и выносливость. Кажется, он попросту не задумывается, что ему что-то не по силам, что он способен испытывать боль или уставать. В результате старушка-одуванчик вполне способна запросто спустить вас с лестницы, а щедушный олигофрен может дать деру от служителей Фемиды с двумя чугунными крышками от люков в каждой руке (металлолом ведь!).

Ольгу привезли в приемный покой в сопровождении наряда милиции. Внешний вид больной здорово напоминал куколку – не фарфоровую, а ту, из которой потом появляется на свет бабочка. В качестве кокона фигурировали вязки. Сколько их ушло на это сооружение, сказать было трудно, но у фараона Рамзеса бы точно глазки от зависти повышибало. Когда кокон развернули, обнаружилось, что на запястьях у Ольги еще и наручники. Правый браслет отдельно от левого, перемычка порвана.

Как выяснилось, Ольга на протяжении недели слышала у себя в голове голоса, которые между прочим сообщили ей, будто соседи по коммуналке участвуют в заговоре с целью ее, родимую, со света сжить и для осуществления своего коварного плана мажут ее дверь особым ядом. Возмущенная их коварством, больная несколько раз пыталась пристыдить

негодяев, но те изображали правдоподобное недоумение и продолжали делать свое черное дело. Чаша терпения, и в лучшие времена не особо-то и глубокая, переполнилась, и пациентка, кипя праведным гневом, отправилась выяснять отношения. Злокозненные соседи пытались закрыться на замок в своей комнате, но не тут-то было! Дверь вынесло как пушинку, а чтобы неповадно было запираяться впредь, этот мешающий предмет интерьера вылетел в окно (стоит ли упоминать, что открывать дверь было недосуг?). Подоспевший наряд милиции с трудом уговорил Ольгу примерить наручники, но тут соседи вспомнили какие-то старые обиды, выдвинули совершенно необоснованные претензии... Словом, подъехавшая следом спецбригада успела к моменту, когда такая нужная в хозяйстве вещь, как наручники, была порвана, как та грелка.

В наблюдательной (эвфемизм слова буйный) палате нашего Самсона в юбке во избежание эксцессов привязали к койке – целое искусство, знаете ли, мастера БДСМ нервно курят в углу. Больная громко и в доходчивой манере изложила окружающим свою позицию по этому вопросу. На шум откликнулась другая пациентка, Валя, тоже привязанная к койке в паре метров от Ольги (накануне она поколотила соседок по палате, выясняя, кто из них увел ее жениха).

– Это ты моего парня к себе присушила! – безапелляционно заявила она вновь прибывшей.

– Тебя, дуру, не спросила! – откликнулась та в сердцах.

– Да ты ведьма! – резюмировала Валя.

Думаете, на перебранке все и закончилось? Как бы не так!

Когда кипящий в двух сердцах гнев нашел точку приложения, ничто уже не могло помешать дамам перейти от слов к действиям. Подпрыгивая и раскачивая койки, противоположные стороны сближались сантиметр за сантиметром, пока, наконец, не коснулись друг друга... Санитарки, которые через некоторое время заглянули в палату, увидели лежащих бок о бок на вплотную сдвинутых койках Олю и Валу. Заплеванных, уставших, но донельзя довольных каждая собой!

Гражданская оборона

В каждом государственном медицинском учреждении есть должность начальника или ответственного за гражданскую оборону. Точнее не помню, да и не в названии суть. Как правило, назначают на сие непыльное место отставных военных, взаимоотношения которых с развеселым медицинским коллективом неизменно окутывает легкий флер ебанутости с привкусом чего-то квадратообразно-уставного. Наш ГО-шник имел за плечами солидный опыт общения с персоналом психдиспансера, посему взаимная любовь была так же выдержана и крепка, как хороший дорогой коньяк.

...Планерка плавно перетекла в очередную лекцию по ГО. Жертва составленного в начале года графика монотонно зачитывала порядок действий при нанесении противником ядерного удара, большая часть присутствующих погрузилась в транс, кто-то уже начал похрапывать, и тут оборонщика посетила светлая, как ему показалось, мысль.

– Предлагаю ввести совместные со стационаром практические занятия с обязательной сдачей нормативов и зачетов, с привлечением наблюдателей из городского штаба ГО!

Начмед³, подпрыгнув от неожиданности на месте, вкрад-

³ Начмед – начальник медицинской службы, заместитель главного врача по лечебной работе, занимается тонкостями и казусами лечебного процесса в больнице.

чиво спросил:

– И давно вас стали посещать такие, ммммм... конструктивные идеи?

Не придавая значения профессиональному интересу, вспыхнувшему в глазах докторов, отставной полковник четким шагом пересек кабинет и положил перед начмедом пухленькую папку, завязанную на аккуратный бантик.

– Сергей Витальевич, ознакомьтесь с моими соображениями по данному вопросу и разработайте соответствующий план мероприятий. Потом доложите.

Таким же четким шагом он вышел из кабинета и закрыл за собой дверь. Последовала минутная пауза, после чего заведующая дневным стационаром задала вопрос:

– Что будем делать, доктора?

Зав. пятым отделением предложил:

– Может, подкараулить вечером, да навалить хорошенько?

– Или кого из больных того... правильно сориентировать, – подхватила идею зав. вторым отделением.

– У меня мысль другая, – отозвался начмед, – давайте в розетку в его кабинете встроим динамик, а микрофон и усилитель поставим у меня. Все желающие пусть приходят ко мне и говорят в микрофон все, что о нем думают. А когда, – он мечтательно возвел глаза к потолку, – ГО-шник придет жаловаться, что СЛЫШИТ ГОЛОСА ИЗ РОЗЕТКИ, КОТОРЫЕ ЕГО РУГАЮТ, тут нам и карты в руки.

Надо сказать, что идеи, витающие в воздухе, зачастую все же реализуются, хоть и не всегда ожидаемым образом. Динамик так и не поставили, зато отставной полковник таки попал в психбольницу. С белой горячкой, после запоя.

Пулька

Была у меня на приеме дама лет шестидесяти пяти с просьбой избавить ее от «пульки» в голове.

– Да как она туда попала?

– Вы не поверите!

– Ну, милая моя, мы говорим за лечение, а не за веру, посему внимательно вас слушаю.

Скорбный вздох, печальный взгляд.

– Заболело два года тому назад ухо. Я пошла к лору. Она мне сразу не понравилась: такой, знаете ли, жесткий взгляд, а слова ласковые – убаюкивает, значит. И, пока ухо смотрела – раз! – и одним движением, я и заметить-то ничего не успела, а она уже все сделала.

– Что именно?

– Как что? Пульку в голову засунула, и так ловко, что я и не сразу поняла. Наивная! А через неделю почувствовала: пулька в голове начинает шевелиться, и от этих шевелений у меня все тело сводит, да так неприятно! Ну, я бегом к ней разбираться, а она меня словно в первый раз видит: не понимаю, мол, о чем вы. Какова змеюка!

– А снимок, рентгенографию черепа делали?

– А как же! Только пулька особой оказалась, не видит ее рентген.

– А к нам вы как попали?

– Так пошла к нейрохирургу, а он говорит, что дело деликатное, можно во время операции случайно полушарие задеть. Правое. А оно за логику отвечает. А мне без логики никак.

– И?

– Он и говорит: в таких тонких материях, мол, только психиатр может помочь. Есть, говорит, у психиатров особые таблетки, так они эту пульку заставят выйти естественным путем. И полушарие не заденут.

– Какой же грамотный вам попался нейрохирург! Полностью с ним согласен. Ну что же, вот вам заветный рецепт, вот тут я написал, как принимать, через недельку жду на прием, приходите, погляжу на вас еще.

К слову, параноидная симптоматика с ощущениями чего-то инородного в организме – это отдельный разговор. Когда мы еще были интернами, нам предоставили возможность убедиться в том, что идеи и ощущения психотического уровня крепче железобетона и В ПРИНЦИПЕ не поддаются переубеждению и психотерапевтическим приемам.

Был случай, когда больная утверждала, что ее изнасиловали (враки и женские мечты; хотел бы увидеть то мачо с полным отсутствием зрения и зачатков интеллекта, а также инстинкта самосохранения), пусть милиция и отрицает сие леденящее кровь действие. При этом во время второго акта Марлезонского балета ей, якобы, поместили во влагалище пачку швейных игл (насилник, видать, был энтузиаст, к делу подошел изобретательно, с задором). Иглы разбрелись по организму, и больная ощущает их перемещение и покалывание. Заручившись одобрением начальства, мы принялись за дело. Выяснили у пациентки, сколько приблизительно было игл, какого размера, а потом купили и заржавили потребное количество. В назначенный день водрузили даму на стол процедурного кабинета, расчехлили аппарат для электрошоковой терапии (его окрестили медицинским импульсным магнитом) и приступили к действию. Периодически находилась иголка («вот она, вот она, кончик уже показался, непусти!»), со звоном падала в лоток, медсестра мониторировала пульс и давление, ассистент вытирал со лба клоуна – «оперирующего врача» трудовой пот... Поиск всех игл занял час. Больную поздравили с успешно прошедшей операцией, а на следующий день во время обхода она вспомнила, что «еще в задний проход мне иголки тогда засунули», и вот они-то сейчас так колют, просто караул. Занавес.

В другом случае, по словам пациентки, у нее в животе завелась лягушка. Как завелась? Да в кувшин с молоком за-

лезла, а больная наша его и оприходовала. Залпом. Жарко было, пить хотела. И теперь никакой личной жизни: то земноводное в животе квакнет, то выглядит срам сказать откуда! Лягушкой запаслись на кафедре нормальной физиологии (реолапку все помнят?); решили, что выманывать будем на живца. Вы пытались когда-нибудь привязать муху к длинной нитке? Попробуйте, муха узнает много новых слов! Лягушку «выманили», посадили в баночку, предъявили хозяйке.

– Это не она!

– А КТО это тогда?

Пауза.

– Это ее дочь! У той глазки были умные, и квакала она громче, увереннее, что ли...

С тех пор – только адекватная медикаментозная терапия!

Сэнсэй

Павла Яковлевича Бондарчука я называю Сэнсэем в прикладной психиатрии-до, особенно касаясь раздела военно-психиатрической экспертизы. Будучи на интернатуре, мы под его ненавязчивым руководством несколько месяцев посвятили этой дисциплине. Сразу подкупило и расположило к себе отношение Сэнсэя к дисциплине и выживанию рабочего времени: оно было сугубо пофигистическим. Он считал, что дисциплиной, порядком, хронометражем и всяким прочим калом занимается тот, кто в принципе не способен на что-то большее. Приходи хоть на час позже, уходи хоть на два раньше, главное – делай работу. И делай ее хорошо, «с задором, Максим Иванович, с любовью, с тихой грустью, а главное – вдумчиво. Не то пропустите дебила, а он возьмет и до звания майора нашей родной Советской Армии дослужится, а Павлу Яковлевичу потом списывай красавца, красней от имени всей отечественной психиатрии».

Случай с майором, кстати, действительно имел место быть, хоть и не при нас. Работать вдумчиво Сэнсэй учил, толковывал, объяснял, иногда используя для этого совершенно непривычные методы. Например, в кабинет заходил призывник, здоровался, представлялся... и покидал кабинет. Хитро шурясь, Павел Яковлевич вопрошал:

– Какая статья?

Мы должны были установить предварительный диагноз, исходя из того, как призывник зашел, как глядел, как поздоровался, какие эмоции продемонстрировал, как отреагировал на то, что его прервали и выставили из кабинета и прочая, и прочая. Как-то в момент таких разборов дверь приоткрылась, и в кабинет заглянул вихрастый парнишка в фуфайке, замызганной рубашке и с золотым в красный горошек галстуком поверх этого великолепия.

– Боец, закрой дверь с той стороны, быстро! – приказал Сэнсэй и, повернувшись к нам, спросил:

– Ну, а это? Правильно, Оксана Владимировна, это умственная отсталость, поставьте себе «пять» и возьмите тридцать капель коньяка из моей тумбочки, вы это заслужили, военная психиатрия может спать спокойно, дебил не пройдет!

Закончив осмотр призывников, обитатели ординаторской принимались за начертание актов, мученически глядя в потолок. Писать не любил никто, хотя все это умели. Сэнсэй, окидывая взглядом вверенное ему подразделение, горестно изрекал:

– Случилось страшное, Оксана Владимировна! У нас на подходе семнадцать актов, а насчет цитрусовых мы не подсуетились! Вовчик, ты в ларек сегодня не пойдешь. Прояви снисходительность к расшатанной психике главного врача, он при мне уже давал аффективную реакцию по поводу твоих приходов на работу в половине двенадцатого. Лично я ни-

чего против не имею, только не надо делать это под его окнами, чеканя строевой шаг и со знаменем двенадцатого отделения в мозолистой руке, ведь есть калитка, и не одна. Нет, в киоск за цитрусовыми сегодня идут интерны.

Отношение к спиртному в отделении было правильным, без примеси административного ханжества, но и без люмпен-пролетарского фанатизма. Шутки шутками, но потом, работая в составе призывной комиссии, мы не без гордости обнаружили, что Сэнсэй все же сделал из нас работоспособных военных экспертов, за что низкий ему поклон.

Дадим человечеству шанс

Задаваясь вопросом, каким же законам логики подчиняется построение бредовой конструкции наших пациентов, главное – не слишком досконально и придирчиво следовать всем логическим изгибам, соскальзываниям с наметившейся дорожки на новую, произвольного направления тропку, и резонерским лабиринтам. Оттуда, куда вы можете забраться, не всякий навигатор выведет. Для попытки (чаще всего заведомо бесплодной) скорректировать всю систему изнутри, играя роль двойного агента, надо иметь крепкую психику. В идеале – еще одну, запасную. Вот вам пример бреда Котара⁴ в лицах.

Жанна (пусть ее будут звать так) ходит в диспансер раз в месяц. Лекарства, уколы, беседы. Красивая девушка, одевается и делает макияж с ненавязчивым готическим акцентом. Собственно, о начавшемся обострении можно судить как раз по степени готичности. Как только место слегка экстравагантной девицы занял образ вампира или средней свежести зомби из очередного триллера – все, готовьте место в наблюдательной палате. Жанна оседлала очередного апокалиптического ишака.

– Жанна, что с тобой случилось?

⁴ Бред Котара – ипохондрический депрессивный бред в сочетании с преувеличениями.

– Доктор, все кончено, – голос трагический, со свинцовыми нотками.

– Ну, ничего, если учесть, что за последние полтора года «все кончено» только один раз.

– На этот раз миру не выжить. Какая же я сволочь! – Расфокусированный взгляд и отрешенно-скорбная маска.

– Ну, что ж ты так сурово с миром; глядишь, все еще и обойдется. Опять же, все как-то не вовремя, я еще за кредит не рассчитался, дачу не достроил. И на себя зря наговариваешь: родители любят, муж души не чает, а ты...

– Мир уже начал гибнуть. Вы тоже скоро это заметите. Это началось во мне, вот здесь. – Жест в сторону низа живота.

– Эээ... ты имеешь в виду, что скоро все этим накроется? Жанночка, солнце, как оборот речи это вполне сойдет, но если толковать буквально, то масштабы несовместимы, или я ничего не смыслю в географии. Ты не внесешь толику ясности?

– Ничего вы не поняли, доктор. У меня здесь все заросло и рассосалось. И детей больше не будет. И ни у кого детей больше не будет. И все человечество вымрет. А все оттого, что я больше никого не смогу родить.

– Это окончательно и бесповоротно? А с чего ты взяла, что у тебя больше не будет детей? Голоса сказали?

– Нет, я просто это знаю, – голос становится еще более трагическим, хотя казалось, что это невозможно. – И все внутренности у меня сгнили. Кишечника нет. Желудка нет.

Печени нет. Легких нет. Сердца нет.

– Стоп-стоп-стоп. А говоришь-то ты как?

– Что значит «как»? Рот остался, язык остался. Даже немного пищевода осталось.

– Да? А у меня, если честно, были другие соображения по теории возникновения звуков. Ну да ладно. Теперь насчет сердца. Возьми фонендоскоп. Приложи сюда. Это вставь в уши. Слышишь? – Жанна недоверчиво кивает. – Верни фонендоскоп на родину и ответь – что это было?

– Аорта, доктор. Аорта. Брюшная. Не успела сгнуть и рассосаться.

– Точно. А я и забыл. И ты ничего теперь не ешь и не пьешь?

– А зачем есть? Пить – пью, иначе во рту сухо.

– А куришь?

– Да.

– А зачем? Легких-то нет.

– Привычка, доктор. И запах мне нравится.

– И что же мне с тобой делать, Жанна?

– А давайте вы меня в больницу положите, – слегка оживившись.

– А смысл? Человечеству и так с твоей легкой руки и атрофировавшейся гинекологии скорый кирдык светит. Чем тебе наша больница поможет?

– Там компания хорошая. Они меня понимают и жалеют. А еще в прошлый раз у меня тоже все внутри отсыхало и

выкрашивалось – ну, помните, когда из-за меня Индокитай чуть не утонул – так вот, мне тогда лечение помогло, все обратно как-то выросло.

– И Индокитай как-то выплыл...

– Вот я и думаю: может, и на этот раз пронесет?

Такую робкую надежду обязательно надо поощрять. Доктор пишет направление. В приемный покой вызывают заведующую женским отделением – принимать вновь поступившую. У человечества появился шанс.

Анонимный двойник

Когда мы еще были на интернатуре, нам поведали об интересной теме, по которой один из сотрудников написал кандидатскую диссертацию. Дело в том, что пациенты с бредовыми расстройствами по определению не имеют критики к содержанию, фабуле своего бреда. При этом они вполне адекватно могут воспринимать то, что к этой фабуле прямого от-

ношения не имеет. То есть, если дядечка считает, что соседи воздействуют на него через розетку лучами смерти, то он будет предпринимать соответствующие меры самообороны, но в пределах квартиры. А на улицу за хлебом в каске из фольги не пойдет. Суть описанной в диссертации методики заключалась в том, что доктор в доверительной беседе рассказывал пациенту о некоем больном, у которого... далее шло описание бреда, идентичного по содержанию тому, что имел пациент. Затем доктор просил собеседника высказать свое мнение по этому вопросу. Подавляющее большинство ответов звучало примерно так:

– Ну и дурак же этот ваш Иван Петрович! Такую бредятину несет! Вот у меня все серьезно...

Урилотерапия

Недавно в очередной раз наткнулся в газете на клятвенные уверения какого-то народного целителя, что его метод рулит. И далее по тексту: «опасайтесь шарлатанов». Хороший ход. И народ предупредил, и сам по нужную сторону баррикад очутился. Я сразу вспомнил про нашего учетного большого, шизофреника со стажем, инвалида второй группы. Он на полном серьезе практикует (не для себя, для прочих страждущих) прогрессивный метод – урилотерапию. У него даже корочки народного целителя есть. Своим целительством он зарабатывает неплохие деньги. А началось все с галлюцинаций. Наши больные слышат очень разные «голоса». Относятся к ним тоже, соответственно, по-разному. Александру (урилотерапевту), можно сказать, повезло. Его «голоса» дали ему совершенно четкие и недвусмысленные трудовые рекомендации. Он послушался и не пожалел. И семья не пожалела: человек при деле, денежку в клювике в дом тащит, все довольны. То, что рецептуру и тонкости применения надиктовали все те же галлюцинации, тоже никого не смущает.

При этом домочадцы тонко чувствуют момент, когда народного целителя пора отправлять в дурдом. Сигналом к атаке служит момент, когда Александр окапывается на подступах к унитазу с трехлитровой мензуркой наперевес. Вот

тогда-то и набирается заветный номер спецбригады, иначе мензурка коллективными усилиями семьи будет наполнена, а потом и выпита под неусыпным контролем больного. Все правильно: страждущих исцеляй, пусть хоть ныряют, а семью, гад, не трогай!

Проверяющий

Как учили нас классики партийной пропаганды, со временем коммунистическое мировоззрение обуяет широкие массы людей, и принцип «от каждого по способностям, каждому по потребностям» можно будет применять, не опасаясь того, что потребности могут оказаться непотребно чрезмерными. До этого светлого момента в отдельно взявшейся социалистической стране должны рулить учет и контроль, а то вдруг кому-то не по труду захорошеет. Социализм сгинул, уступив место недоразвитому капитализму с феодальными замашками, а привычка проверять и контролировать осталась. Привычки, особенно дурные, они очень стойкие. Есть у нас на учете пациент. Обострения у Виктора (назовем его так) обычно бывают ранней весной. Маниакально-параноидный синдром, возникающий с завидным постоянством. В его исполнении обычно это выглядит так: рано-рано утром чуть ли не пинком открывается дверь какого-нибудь (предугадать трудно) отделения милиции, и на пороге появляется наш герой. Бодрый до омерзения, подтянутый и энергичный, он похозяйски окидывает взором помещение и укоризненно заявляет:

– Спим на боевом посту, товарищ как-вас-там? Ай-ай, нехорошо! А я, собственно, к вам тут с проверочкой, давно было пора, да все дела, дела...

С этими словами он трясет под носом у сонного дежурного каким-то документом. Документ требует отдельного описания. Если бы милиционеру удалось сразу и в подробностях его рассмотреть, то выяснилось бы, что это обычный паспорт. Но! В него вклеен аккуратно вырезанный оттиск гербовой печати. Как-то, еще во времена правления Бориса Николаевича, Виктор написал президенту гневное письмо: дескать, смотри, до чего довел страну, как, мол, тебе не совестно! А в администрации президента кто-то возьми да напиши вежливо-нейтральный ответ ни о чем. Проникся наш пациент: как же, ответили, значит – право имею! Тут-то фабула бреда и сложилась окончательно. Мол, не хватает у президента времени ментовской произвол отслеживать и пресекать, посему и облакают его, Виктора, властью и чрезвычайными доверием. И наш пациент вырезал из письма гербовую печать, наклеил ее в паспорт и отправился творить добро направо и налево.

– Так, голубчик, распорядись-ка, чтобы машину сей же момент подали, поедем полюбуемся на ваши посты!

Вы не представляете, до чего убедительным может быть маниакальный больной. Иногда дело доходило даже до посадки в машину. Потом все же срабатывало профессиональное чутье, более тщательно проверялись документы... Стоит ли говорить, что в приемный покой сердитые милиционеры обычно доставляют Виктора слегка помятым? Думаете, это его чему-нибудь учит? Только тому, что он не «проверяет»

дважды одно и то же отделение. А служивые до сих пор ведутся.

Ботва

Каких только высот полета фантазии и глубин дремучего подсознания не достигает порой человек в погоне за чувственными наслаждениями! Изобретательность и изощренность подобных товарищей способна повергнуть в ступор даже бывалых медиков. Иногда – даже патологоанатомов. Впрочем, этот случай даже в чем-то прозаичен.

Историю мне поведали в спецбригаде. Был у них вызов – один наш больной затолкал себе в зад морковку, а она возьми и там останься, коварно выскользнув из шаловливых ручонок и скрывшись за плотно сомкнувшимся сфинктером. Повезли эту жертву страсти к корнеплодам в хирургию, а там вышла заминка: дело было ночью, и никто ректострадальца на пороге с красной ковровой дорожкой не ждал. Велели обождать. Больной мечется, стонет, а санитар дремлет вполглаза. Больной пытается привлечь к себе внимание, дескать, сейчас умру, не испытай любви. Санитар берет его за шиворот и ласково предлагает:

- Слушай, поехали обратно, что-то долго они копаются.
- А как же я... то есть у меня... то есть во мне?..
- Да ты не суетись. Положим в отделение, подождем, пока ботва вырастет, и выдернем!

Дурдом

Часто слышу это слово. Что интересно – чаще от гостей и обитателей нашего учреждения, чем от его сотрудников. Вспомнил выражение одного коллеги-психиатра из Самары, человека очень культурного и эрудированного: «Я работаю в серьезной и уважаемой государственной организации. А когда после работы выхожу за ее стены, то попадаю в настоящий дурдом». Раз уж подвернулась ассоциация, расскажу еще одну историю, которая произошла в бытность нашу студентами. Весна. Двадцать второе апреля. Ленинский субботник. Психиатрическая больница. Персонал сажает кустики, деревца-саженцы, точнее, готовит под них ямки. Руководит этой экзекуцией товарищ то ли из обкома, то ли из еще какой-то важной общественной организации. Идет он, любителю процессом чужого труда и вдруг обнаруживает прямо по курсу практически готовый одиночный окоп, из которого виднеется только макушка да через равные промежутки времени вылетает очередная порция грунта. Рядом аккуратно сложены пиджак, галстук и рубаха. Потеряв дар речи, товарищ приближается к брустверу. В окопе размеренно, с мечтательно-медитативным выражением лица вгрызается лопатой в суглинок доцент кафедры психиатрии. Проверяющему потребовалось несколько секунд напряженного мыслительного процесса, чтобы правильно сформулировать вопрос:

– Э-э... от какой организации копаем, товарищ?

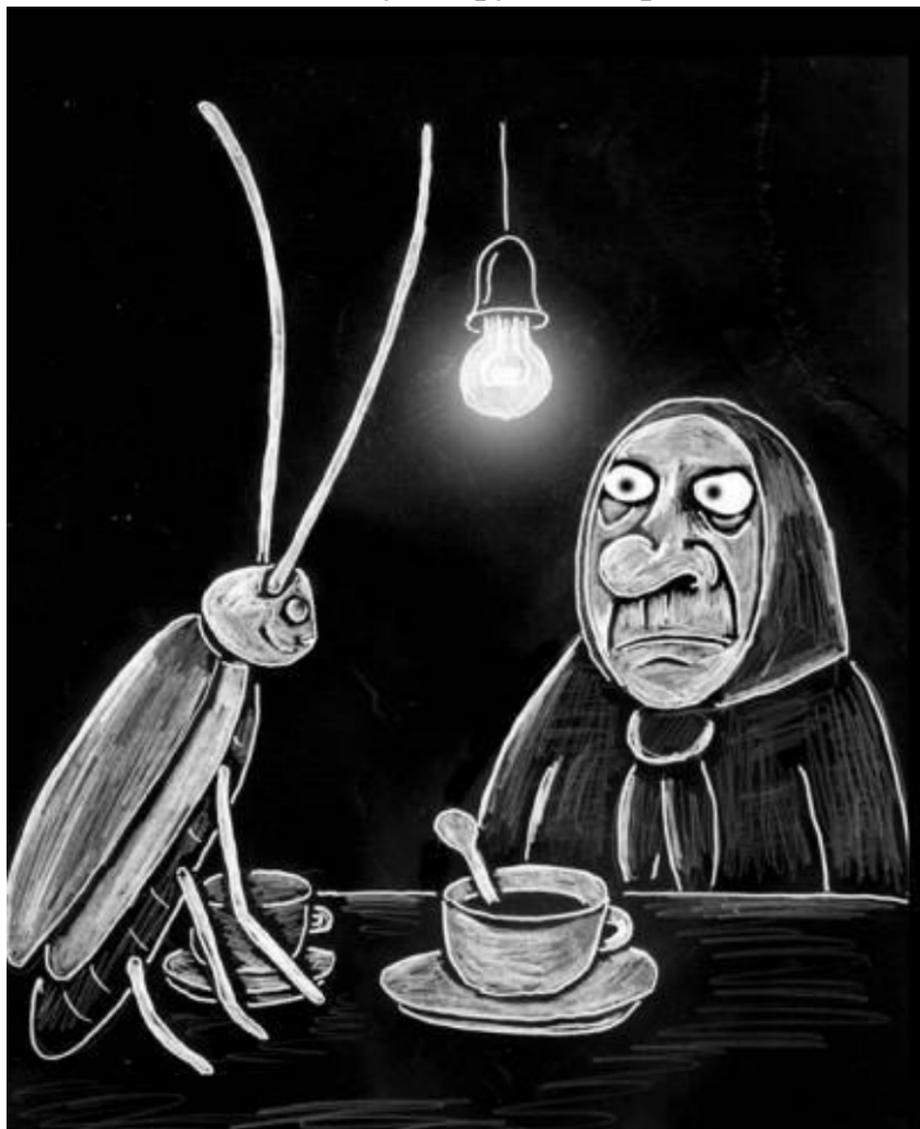
– Дурдом-с, – невозмутимо отозвался доцент, – хорошо-то как, боже мой! Воздух, птички...

Демонический туризм

Со времен Стивена Кинга, после романов которого даже ночной поход в туалет можно было смело вносить в копилку храбрых поступков, демоны и прочие потусторонние обитальцы явно перевоспитались, обрели харизму и хорошие манеры, а то и вовсе научились делать добрые дела и широкие жесты – прямо не силы зла, а потусторонняя благотворительная организация, вроде Красной Пентаграммы. Но наших пациентов не обманешь, у них есть опыт личного общения, который подсказывает: если демоны и читают про себя в книжках, то только с целью поржать над умильно-дебильными персонажами и тут же под настроение совершить какую-нибудь пакость. Ибо не фиг расслабляться.

Дмитрий (пусть он будет Дмитрием) знаком с демонами уже много лет. Он даже мог бы написать про них книгу, но не фантастическую, а документальную. Он-то знает, что эти бестии постоянно крутятся поблизости, вылавливая тех, кто послабее. Зачем? Дело в том, что сами они проявиться в этом мире не могут. Это как идея, которая вроде бы витает в воздухе, но сама по себе воплотиться не может, пока не овладеет чьим-то разумом. Мы же не видим призрак коммунизма, а вот членов партии запросто можно наблюдать воочию. Понятно, что у призрака к партийцам наверняка много вопросов и пожеланий, далеко не все из которых можно выразить

приличными словами, даже прибегнув к метафорам и эвфемизмам, но... ладно, это уже другой вопрос...

Итак, с точки зрения Дмитрия, люди делятся на две категории: тех, кто способен увидеть демонов, и тех, в кого демоны могут вселиться. При этом обитатели альтернативного измерения очень не любят представителей первой группы и всячески стараются навредить им, вселившись в представителей второй. Оно и понятно: кому приятно, когда подсматривают за твоими шалостями! Опять же, одно дело – питаться где-то там у себя всякой нематериальной, идейно зараженной и мистически модифицированной гадостью, и совсем другое – кошерная человечинка. Приближение очередной волны потустороннего десанта Дмитрий чувствует заранее: сначала все события вокруг – взгляды прохожих, номера машин, заголовки газет: вдруг приобретают дополнительный, особый смысл. Потом пропадает сон, и ночь становится временем тревоги, мегалитров чая и многих метров выкуренных сигарет. И еще ожидания, напряженного ожидания: кто же на этот раз?

Обычно это домашние: то у матери глаза вдруг превратятся в черные бездонные дыры, то у отца изменится тембр голоса, вдруг прибавив к своему обычному звучанию визг на грани слышимости в сочетании с ужасным, пробирающим до костей, чуть ли не инфразвуковым басом, то у сестры начнут смазываться черты лица, чтобы почти сложиться в нечто хищно-рысье. И все. Домой можно не приходиться – ЭТИ теплых чувств не знают. Только потусторонний холод и неприкрытый кулинарный интерес.

Церковь не помогает, Дмитрий уже пробовал. До сих пор вспоминает, как хищно смотрели бабульки-одуванчики, как облизывался и потирал руки батюшка – Дмитрий еле ноги унес, а то был бы раб божий, копченый с ладаном. Ходил к экстрасенсу – тоже сплошное разочарование. Дама, к которой он обратился, аж затряслась от радости, когда его увидела, – мол, вижу корень всех твоих бед как наяву, сейчас будем из тебя лярву выгонять. А сама то рожки тайком почешет, то копытцем цокнет. Курва.

В общем, как только в город с целью гастрономического туризма прибывает очередная группа демонов, Дима идет сдаваться в дом у шоссе. Там спокойно. Там персонал-кремень. Правда, порой то у доктора лицо поплывет, то сосед по палате клыки отрастит, но это уже такие мелочи! Посоветуешь доктору взять себя в руки, а на соседа пожалуешься медсестрам – и все снова стабильно и спокойно. Перед психиатрией демоны бессильны. Они, правда, пытаются навещать Дмитрия под видом тех же родственников, но присутствие санитаря, такое монументально-умиротворяющее, держит их в узде, хотя, конечно, несказанно огорчает. Отбытие потусторонней тургруппы Дмитрий чувствует по тем же родственникам: они становятся теплее и человечнее, да и лица перестают искажаться. Можно без опаски проситься домой.

Анатомичка

Наша институтская анатомичка сама по себе была сооружением выдающимся. Говорят, когда-то до революции в ней располагалась школа пивоваров под чутким патронажем графа фон Вакано. На фронтоне вроде бы даже угадывается старательно заштукатуренный барельеф пивной бочки. Возможно, сей замечательный исторический факт наложил некий кармический отпечаток на здание и его обитателей (живых, я имею в виду). Во всяком случае, многие студенты были бы не прочь залить пивком стойкий запах формалина и горечь незаслуженно (или заслуженно, все равно обидно) обретенного «банана» по этой фундаментальной дисциплине. Преподаватели (в большинстве своем бывшие хирурги) тоже старались перебить формалиновую ауру и впечатление от студенческих перлов – «череп, он же по-латыни СРАНИ-УМ»⁵ – чем-нибудь покрепче чая.

Запах, надо сказать, был убойным. Он насквозь пропитал все помещение, от глубоких подвалов до низенького чердака, забираясь под своды пятиметровых потолков и гуляя по пролетам широкой центральной лестницы: три этажа вверх, потом обратно. От него слезились глаза и начинала болеть голова. Зато все анатомические препараты были настоящими

⁵ На самом-то деле, конечно, «cranium».

ми. У трупа фиксировался крупный сосуд, и в него шприцем Жане⁶ закачивался формалин, вытесняя кровь. Затем тело помещалось на длительное время в ванну с все тем же формалином и извлекалось при необходимости приготовить мышечный, сосудистый или нервный препарат, целиком или частями. Тела либо их части хранились в подвале в открытых ваннах; лаборанты по мере надобности разносили их по учебным классам, раскладывая на каменных столах. Чтобы препарат не пересох, его накрывали тканью и поливали водой. Время от времени препараты приходили в негодность, и тогда вставала проблема их захоронения. На нашей памяти произошел инцидент, когда два преподавателя, потратив выделенные для захоронения средства на свои нужды, просто сбросили кучу нетленных в прямом смысле останков то ли в овраг, то ли с обрыва рядом с Волгой и закидали снегом. По весне снег сошел, и некий гуляющий гражданин обнаружил, к своему ужасу, всю эту горку нетленки-расчлененки. Милиция, расследование, вазелин, объяснительные...

Учили хорошо, на совесть. Многие оставались по вечерам, помогали или самостоятельно (гордость за себя и уважение однокурсников!) препарировали трупы. Я тоже не избежал соблазна и на протяжении нескольких месяцев проводил все вечера в густо проформалиненной атмосфере под звук мерно осыпающейся с потолков штукатурки (о-очень

⁶ Шприц Жане – шприц для промываний, отличающийся значительными объемами (100–200 мл).

старое здание!). Однажды преподаватель попросил:

– Ты сходи, достань голову из подвала. В левом углу, по-
дальше, есть чан, их там несколько плавают. Выбери посим-
патичнее, мы из половины сделаем препарат мимических
мышц, а из другой – сосудистый.

И пошел я в подвал. Не сказать, чтобы этот поход совсем
уж повергал меня в душевный трепет, но посудите сами: из-
за сгнившей проводки там не было света. Во всем здании
осталось человек семь-восемь, включая сторожа (хрониче-
ски навеселе, и никто ему не пенял, понимали). Тишина, как
на кладбище. В общем, настрой – готика с налетом роман-
тики. Взял спички, иду. Подвал большой, идти далеко, при-
чем по деревянным мосткам: с потолков капает, вода соби-
рается в лужи, и как-то исправить это, а заодно и сгнившую
проводку, взялся бы разве что фон Вакано, но он шлет при-
веты сами знаете откуда. Дошел, отыскал чан, голову взял.
Стою и понимаю, что сам себе создал проблему на пустом
месте: спички в кармане белоснежного (ну, почти белоснеж-
ного) халата, руки в формалине и еще в какой-то гадости
(на стенках емкостей живет плесень, которую не берет даже
формалин). И обе руки держат за уши голову. Стою, пытаюсь
вспомнить, по какому азимуту шел сюда. И тишина! Впро-
чем, тихо было недолго. Спустя минуту или две я услышал в
кромешной темноте ШАРКАЮЩИЕ ШАГИ, сопровождаю-
щиеся звуком формалина, бодрой капелью барабанищего по
доскам настила и лужам на полу. Логическое осмысление си-

туации помахало ручкой и упорхнуло, оставив меня наедине с богатым, мать его, воображением. Шаги меж тем приближались, пока не замерли в паре метров от остолбеневшего меня. Послышался звук, будто кто-то носом втягивает воздух. «Твою мать, сейчас учует – и трындец котенку». Я вытянул вперед руки, прикрываясь головой, как щитом. Впереди зажглась спичка...

На наш с лаборантом (это был он) хоровой вопль сбежались, сжимая в руках подручные средства обороны, остальные завсегдагаи анатомички. Как выяснилось, с лаборантом сыграло злую шутку его хорошее знание подвала. Спичками и фонариком он пользовался, только когда надо было подсветить содержимое чана. Выудив ногу (это с нее капало), он неспешно двинулся вглубь, остановился неподалеку от меня и хотел посветить в чан с руками. Заминка объяснялась тем, что он положил ногу (не свою) на край чана, вытер руки, зажег спичку...

– Я успел увидеть две руки, которые держат за уши голову. И все, и меня переклинило!

Мы сидели всем вечерним составом за накрытым чем бог послал каменным столом с дыркой посередине⁷, пили коньяк – дежурный преподаватель не пожалел двух бутылок из заначки – и с некой гордостью поглядывали друг на друга: вот оно, рождение легенды!

⁷ Дырка в столе для того, чтобы при препарировании в нее стекали излишки жидкости, а если стол стоит в море – то и кровь.

Проф

Это случилось еще в мою бытность студентом; по ощущениям все было пару лет назад, а на самом деле в конце 80-х – начале 90-х. Самара. Общага № 3 на Гагарина. Такая девятиэтажная свечка, родной дом для многих поколений студентов-медиков. Строго говоря, одна из многих, но о тех речь как-нибудь потом. При тогдашней перенаселенности мединститута, когда при поступлении конкурс доходил до восьми-десяти человек на место, получить место в общежитии было счастьем. По крайней мере, на первом курсе это удавалось, мягко говоря, не всем. Ну а уж те, кто попал... Впрочем, лучше тоже отдельной историей.

Жил-был в «тройке» студент по прозвищу Проф. Этиология сего никнейма безвозвратно утеряна, однако многие сходятся на двух версиях. Первая – ПРОФессиональный гонщик, то бишь человек, способный поддержать и развить до степени абсурда любую предложенную тему разговора (университетское образование, как-никак). Вторая – ПРОФессор кафедры научного алкоголизма; эта версия кажется даже более вероятной. Жил он весело, кушал вольную студенческую жизнь большой ложкой, на лекции с занятиями приходил исключительно с недосыпа и похмелья, за что и пострадал. На моей памяти это был единственный студент, лишенный права проживать в общежитии ЗА АМОРАЛКУ. Комнату

пришлось освободить. Пока Проф обивал пороги деканата, профкома и комитета комсомола (помните такой?) с битием челом и клятвенными заверениями искупить, отмолить и впредь не допускать, свято место оказалось занято, и кем!

Будь это парни, все было бы проще: поговорили бы по-свойски, нашелся бы угол, а там и всю комнату можно было обратно заполучить – главное, знать, в чем остро нуждается комендантша. Но заселились в комнату две девочки-лапочки, только-только со школьной скамьи, восторженно-удивленные, глядящие на старшие курсы как на полубогов – в общем, тьфу, да и только! И это не все! Каждая – каждая! – была при маме. Как они в этой каморке папы Карло помещались, это один бог ведает, но уходили солнышки на занятия отутюженные, накрахмаленные и (мамма мия!) позавтракавшие горяченьким, а возвращались к прибранной комнате и сытному ужину. Проф был сражен в самое сердце, ему срочно требовался план ненасильственной эвакуации очаровашек-оккупанток. Было даже заключено несколько пари. Угадывайте, на что. Проф неделю ходил хмурый. Он ДУМАЛ. К исходу недели план был готов.

В понедельник девочки, как обычно, ушли на занятия, и мамы принялись за ежедневные хлопоты, и тут раздался громкий стук в дверь. Отворив, тетеньки увидели на пороге небритое (та самая неделя!) существо с красными глазами, жутким перегаром изо рта (еще бы, всю ночь за успех мероприятия переживали), в живописно драной тельняшке и

шортах цвета картофельной ботвы (отпиливаются от армейских галифе). В руках эль Чупакабра держало шприц Жане, наполненный густым раствором метиленового синего⁸. На носик этой адской машинки с помощью жевательной резинки и такой-то матери была посажена огромная игла для спинномозговых пункций. Окинув две застывшие фигуры мутным взглядом, Проф трясущимися руками протянул им шприц и попросил:

– Мать, ширни! Я не попадаю!

По свидетельствам очевидцев, весь остаток дня из комнаты доносился звук пакуемого имущества и не то вопли, не то лозунги:

– На квартиру!!!

⁸ Метиленовый синий – органический краситель. В медицине в основном используется как антисептик.

Как вы его назовете

Когда-то, в период триумфального шествия советской власти, было поветрие – давать детям новые имена. Так появились Вилены, Вили, Октябрины и Даздрапермы. Учитывая нынешний прагматично-дисфоричный⁹ настрой электората, трудно ожидать появления на свет Влавлупутов и Даздрапопенсов, но скучать все равно не приходится.

Вася (пусть его зовут так) болеет давно, он инвалид второй группы. Чаще всего его беспокоят голоса. Обычно голоса несут всякую чушь, и Вася, в той или иной степени добровольно, сдается в дом у шоссе – поправить пошатнувшееся психическое здоровье, пообщаться с давно знакомым персоналом и столь же давно знакомыми соседями по палате. Рутину, одним словом.

На этот раз голос в голове был на редкость убедителен и резонен, фразы звучали четко, при малейшем намеке на непонимание или, паче чаяния, непослушание взвинчивая тон до непереносимого рева.

– Так жить дальше нельзя, – заявил голос.

– Как жить нельзя? – робко поинтересовался Вася, приготовившись на всякий случай набрать номер приемного покоя: мало ли, еще начнет на суицид уламывать!

⁹ Дисфория – форма болезненно пониженного настроения. Характеризуется злобностью, раздражительностью, неприязнью к окружающим.

– Ты, Вася, не живешь, а прозябаешь, – вынес вердикт голос.

– Прозябаю, – безропотно согласился Вася, ибо крыть было нечем.

– Надо что-то менять в твоей жизни, – с напором бульдозера продолжал голос.

– Может, не надо? – жалобно спросил Вася, памятуя о своих прежних попытках что-то круто поменять. С последующими госпитализациями.

– Надо, Вася. Надо, – процитировал голос. – И начинать будем с фамилии.

– Господи, чем тебе моя фамилия не угодила? – простонал Вася.

– Вася, это вопрос не личного предпочтения, а твоего будущего человеческого счастья. И не вздумай упираться. Ты, сукин сын, будешь счастлив вне зависимости от того, хочешь ты этого или нет!

– Да я, в общем-то, не против, но при чем тут моя фамилия?

– Вася, все дело в магии имен. Точнее, фамилий. Как бытие определяет сознание (слышал о таком феномене?), так и фамилия определяет судьбу своего владельца. С тем, что мы имеем, историю творить не просто бесполезно, но и прямо противопоказано.

– Но я не...

– МОЛЧАТЬ!!! СЛУШАТЬ И СОГЛАШАТЬСЯ, В КОН-

ЦЕ БЕСЕДЫ ПОДСКОЧИТЬ И СПРОСИТЬ: «РАЗРЕШИТЕ БЕГОМ?»!!!

– Все-все-все, уже никто ни с кем не спорит, только не ори так громко!

– Вася, у меня есть одно полезное качество: как бы громко я ни орал, соседи услышат только твои реплики с галерки. Так что давай ты не будешь выставлять себя идиотом, а будешь слушать сюда. Я уже все продумал, поскольку тебе один хрен слабо. Фамилия твоя теперь Гитлер-Разумовский.

(Для читателей: вторая часть фамилии взята произвольно.)

– Что?!!

– Я так и знал, что ты дашь аффект. Так вот, пока тыловишь воздух ртом и хватаешься за сердце, приведу убойные аргументы. Гитлер, конечно, сволочь та еще. Но! Сволочь харизматичная, этого не отнять. Чтобы сбить с панталыку целую нацию законопослушных и основательных бюргеров – это, я тебе скажу, талант нужен. Теперь Гитлера не знает только имбецил. Ты, Вася, тоже сволочь – НЕ ВОЗРАЖАТЬ!!! То есть один задаток для успеха уже есть. Не хватает харизмы и известности. Фамилия – уже половина успеха, остальное разыграем как по нотам.

– А Разумовский-то тут при чем? – слабо простонал Вася.

– Вася, ты шизофреник, а не дебил, поэтому нечего тупить! Ты не хуже меня знаешь, что эту фамилию носит заведующий отделением, где ты частый гость. Если для лояль-

ности судьбоносных факторов нужна грубая лезть, то ее следует применить. Поверь, Вася, супротив своего наполовину однофамильца доктор будет безоружен! Это в нашем деле прямо-таки козырь.

– Ага, вроде пятого туза... А дальше-то что? – спросил впавший в полутрансовое состояние от обрушившихся на него новостей Вася.

– Это хорошо, что мы с тобой так быстро достигли полного взаимопонимания по первому вопросу. Неси карту, будем рисовать направления главных танковых ударов. А завтра – в ЗАГС.

– Нас не поженят, – в последний раз попытался возразить Вася.

– ИДИОТ!!! Я ТОБОЮ И БЕЗ ЖЕНИТЬБЫ ОВЛАДЕЮ!!! ТУДА ТЫ ФАМИЛИЮ МЕНЯТЬ ПОЙДЕШЬ!!!

До участкового врача Вася добрался только на третий день, с новым паспортом и картой оккупации Европы. Переписывая титульный лист амбулаторной карты (шутки шутками, но в ЗАГСе фамилию действительно поменяли), доктор задумчиво произнес:

– Взять, что ли, себе фамилию Сталин-Рабинович? Эх бы я развернулся...

Орден почетного алкоголика третьей степени

Алкоголиков в третьей стадии увидеть не так-то просто. Причин тому несколько. Во-первых, не все доживают, большинство успевает умереть от какой-нибудь запущенной болячки, либо от несчастного случая. Во-вторых, выжившие, как правило, либо бомжуют, либо находятся в пансионатах для психохроников. В общем, алкоголик третьей стадии – редкий феномен. Мне, можно сказать, крупно повезло. В Калужской областной психиатрической больнице прижился такой вот персонаж. Звали его Вася. Он с незапамятных времен обретался в обычном отделении. Тишайшее существо, стреляющее у больных окурки, помогающее помыть полы, вынести мусор. Все тихо и спокойно, при одном условии: вечером, перед отбоем, Васе полагались двадцать миллилитров спирта. Нет спирта – отделению обеспечена веселая ночь, с учетом того, что от аминазина Вася просто тихо умрет. Это все знали и не брали греха на душу. А как он эту мензурку внутрь потреблял! Это театр, это пантомима! Мензурка нежно бралась тремя пальцами, с мизинчиком на отлете, по широкой дуге приближалась к вытянутым трубочкой губам, потом непередаваемое согласное движение головы и шеи... боже мой, дельфин, жонглирующий мячиком, – просто жал-

кий паркинсонщик на фоне этого танца! Потом глоток – и судорога, пронзающая все тело, аж пальцы выгибаются в обратную сторону. Три секунды пауза... и блаженная улыбка человека, которому от жизни более ничего не надо. Он уснет ровно через пятнадцать минут, время можно не засекаать.

Было у Васи любимое занятие, даже более любимое, чем покурить. Когда по расписанию начинались инъекции, он занимал стратегическую позицию около процедурного кабинета, отлавливая выходящих больных и изымая у них ватки со спиртом, которыми полагается протереть место укола. Ватки тут же поедались, и слегка окосевший Вася шаткой походкой удалялся в дебри палат. Сколько раз, уже в другое время и в других местах, вспоминал я этого пациента! По мне, таких кадров надо всячески хранить, оберегать и использовать как тяжелую психотерапевтическую артиллерию в процессе лечения алкогольной зависимости у населения: крайне убедительный пример.

ALCOHOLISMUS

Россия,
ВПЕРЁД!

Убойный эпитет

Прохожу сегодня по коридору родного дурдома, то есть диспансера и вижу двух бабулек, что-то активно обсуждающих между собой. Обсуждение идет бойко, с жестикуляцией, матерные акценты расставлены правильно. Прислушиваюсь. Оказывается, кому-то из них чем-то не угодил наш доктор. Причем сильно. Причем даже азимут перемещения старушке подсказал (вот уж не знаю, чего ж такого непотребного надо было от милейшего доктора потребовать). Заключительная фраза убила:

– Это ж не врач! Это ж, блядь, ЭСКУЛАП КАКОЙ-ТО!!
Занавес, обморок...

Доктор, голос!

Эта леденящая кровь история произошла много лет назад, когда я еще студентом подрабатывал на скорой помощи одного из районов города Самары. Как правило, на каждой скорой любого района есть негласный, но общеизвестный список нелюбимых адресов. Наша подстанция тоже не была исключением. Своих героев, самых капризных и занудных пациентов, мы знали в лицо. Некая Прасковья Филипповна постоянно терроризировала нашу неотложку, с периодичностью до трех-четырёх раз в день. Выезжая на ее «плохо с сердцем», приходилось в итоге убеждать болезную, что плюс-минус пять миллиметров ртутного столба в показаниях ее артериального давления – это физиологическая норма, что сегодняшнее аж девятичасовое отсутствие стула – это вообще не признак каловых завалов, что кардиограмма вновь и в который раз не только инфаркта – даже аритмии-то не кажется. Ну и, естественно, учить наизусть географию и характер всяческих покальваний, бульканья, сжиманий и мурашек. Понятно, что от ипохондрика ждать чего-то иного не стоит, но когда эпидемия гриппа, бригады не вылезают из машин, а вызов на ее адрес только за сегодня уже четвертый...

Вот на четвертом-то вызове Василич, доктор от бога, ветеран афганской, и не удержался. Душа просила хохмы. Оставив фельдшера на станции и пошущукавшись с диспетче-

ром, отчего та сделала большие глаза и быстро-быстро закивала, он заявил народу в курилке:

– Спорим на коньяк, что Филипповна на этой неделе никого доставать не будет!

Ударили по рукам, и доктор поехал. Вернулся он быстро. Через пять минут после его приезда в диспетчерской звонил телефон. Сняв трубку, диспетчер с минуту слушала, расплываясь в улыбке, кивала, а потом, нажав на рычаг отбоя, куда-то перезвонила. Коньяк Василичу проспорили, да еще как! Никто с этого адреса не звонил месяца полтора. Василий и диспетчер молчали как партизаны, поэтому на НАКОНЕЦ-ТО поступивший от Прасковьи Филипповны вызов чуть ли не жребий бросали, кому ехать – до того любопытно было узнать подробности из первых уст.

Оказалось, что, открыв в прошлый раз доктору дверь, больная опешила: эскулап стоял на четвереньках и держал в зубах чемоданчик. Выдержав театральную паузу, он поставил чемоданчик на пол и четыре раза на нее гавкнул. После этого оборотень в халате повернулся и на четвереньках потрусил вниз по лестнице. Когда прошло замешательство, Филипповна позвонила в скорую вновь и пожаловалась, что доктор, гад, НА НЕЕ ЛАЯЛ. Диспетчер оказалась девушкой доброй и отзывчивой и пообещала прислать нормальных медиков.

Когда приехала другая бригада, «не в пример этим, все как на подбор, просто гренадеры!», врач участливо так спро-

сил:

– Так вы говорите, на четвереньках стоял?

– Да, да!

– И даже, простите, лаял, как собака?

– Да, истинный крест!

Надо сказать, что за все полтора месяца пребывания в психбольнице сердечко у Прасковьи Филипповны не болело ни разу.

Средство от соседей

За годы работы укрепляешься в осознании того, что бред – явление очень стойкое. Сравнить его с обычной убежденностью, даже на уровне упертости рогами в стенку – все равно что сравнивать незыблемость и прочность плит перекрытия с прочностью набора посуды на шесть персон во время бурного семейного скандала. Соответственно, большинство рассказов о том, как бредовый пациент был переубежден посредством личной харизмы врача, особых психотехник и навыка внушения восемнадцатого уровня, лично я воспринимаю с некоторой долей вполне закономерного скепсиса.

Валентина Петровна (пусть героиню истории зовут так) практически всю свою жизнь прожила в Баку. Работала на заводе, была на хорошем счету. Со временем сложилось так, что большинство ее друзей, родных и знакомых в силу разных причин, среди которых не последнюю роль сыграл государственный геополитический кретинизм, уехали из города. А тут еще выход на пенсию, вынужденное безделье вкупе с неожиданно подкравшимися избытком свободного времени. Каждый офицер и прапорщик в курсе: свободное время – это зло. Точно такую же злую шутку сыграла с Валентиной Петровной оказавшаяся ничем не занятой психика. Конечно, не стоит сбрасывать со счетов характерологические осо-

бенности, тонкости обмена веществ и нейрофизиологии, но запальным механизмом послужил именно провал в жизненных ориентирах.

Валентине Петровне стало казаться, будто соседи задумали недоброе. Да-да, те самые, которых она помнила еще мелкими чумазыми засранцами. Видимо, таился в каждом из них корешок зла, который при должном унавоживании и регулярном поливе вырос до вполне солидного корнеплода с агрессивно-мизантропическими свойствами. Вот и стали мелкие пакостники взрослыми бесстыжими вредителями, а также со свету сживателями. И ведь такие изобретательные: придумали, как с помощью компьютера (вот ведь тоже бесовско-заокеанское детище, будто обычных счетов не хватало!) ее мучить: то поясницу скрутят, то вдруг в ногах жилы начнут тянуть, то сердце прихватят, а то и вовсе начнут жар приливами по телу гонять. Ну, как есть программируют несчастный организм на всякие непотребности.

Сначала страдалица просто терпела, а при попытках организма выкинуть очередное коленце спасалась травами, настойками да припарками. Потом ходила по соседям, пытаюсь призвать их к порядку, да что толку – посмотрели как на дуру, да еще такое искреннее недоумение сыграли, чисто МХАТ на гастролях. Отписалась дочери о своих бедах, та прониклась, пообещала забрать к себе. Оно хоть и Поволжье, хоть и богом забытые степи, но все поближе к родным да подальше от соседей-истязателей.

Переезд прошел довольно гладко, и целых два месяца Валентина Петровна порхала аки ласточка – новые заботы, новые впечатления. Но потом вернулся рутинный привкус, а вместе с ним – и озарение: новые соседи ничуть не лучше тех, бакинских! А компьютеры у всех поголовно! Даже у детей! И вновь начались мучения: ломота, жар и холод, тянущие боли в мышцах. Плюс еще, судя по всему, стали соседи ей сверху фигурки человеческие на ниточках спускать (сама-то она не видела, но просто так уверенность ведь не возникнет, верно?). Стоило Валентине Петровне отлучиться из дома, эти фигурки начинали тайно разгуливать по квартире и устраивать диверсии почище партизанских: то молоко сквасят, то в хлеб плесени понапахают, а то ножи наточат так, что она ими постоянно режется. Пусть дочь и говорит, что ножи точит зять, но это все неправда – не может он настолько тещу не любить.

Дочь долго убеждала Валентину Петровну навеститься в дом у шоссе. Та отнекивалась, даже пару раз всплакнула – мол, что же ты меня, совсем за дуру держишь? Зять, умничка, все очень правильно обосновал. Дескать, с соседями мы можем что-нибудь сделать? Нет, поскольку нет возможности доказать наличие состава преступления (он жутко образованный, слова лепит – часами бы слушала). Можно, конечно, сходить и начистить пару физиономий, ради любимой тещи не жалко, вот только соседи заявят в милицию, и виноватым будет угадайте кто? Поэтому, мать, надо сходить к пси-

хиатру. Есть у него в арсенале проверенные средства: говорят, даже экстрасенсам дар напрочь отшибает, магов плющит, как тех лилипутов на дискотеке с Гулливером, а зеленые человечки так и вовсе считают их секретным оружием ПВО землян. Попросим доктора, пусть выпишет что-нибудь для невосприимчивости к компьютерным атакам, вроде какой-нибудь микстуры Касперского. Сказано – сделано. Хоть и не без трепета, но к психиатру ходили. А там, по его рекомендации, еще и к терапевту с гинекологом заглянули: дескать, соседи соседями, а климакса со стенокардией да остеохондрозом никто не отменял, и лечить их тоже надо. И про соседей доктор много чего говорил, запомнилось только про идеи отношения и воздействия, и что лекарства надо принимать вот по этой схеме.

Теперь Валентине Петровне никакие соседи с их компьютерами и фигурками на ниточках не страшны. Главное – пить лекарства регулярно. Молод еще Билл Гейтс, чтобы супротив фармхимпрома козни строить!

Белочка. Она же котик

Белая горячка – явление очень даже национальное и на просторах родной страны вовсе не редкое. Более того, мы можем его экспортировать в другие страны вслед за нашими эмигрантами. Сей недуг настигает неосторожных с алкоголем граждан в самых разных местах, и привозить их в больницу откуда только не приходится: из дома, с работы, из гостей...

На этот раз спецбригаду вызвали в отделение милиции. По приезде в обезьяннике обнаружилось два помятого вида мужика, стоящих по стойке «смирно» возле решетки. Всем своим видом они демонстрировали полную законопослушность и страстное желание оправдать и искупить, лишь бы сей же час оказаться по другую сторону преграды. При более пристальном изучении обнаружился еще один обитатель зиндана. Крупный, крепко сбитый, с пудовыми кулаками дядечка, просто Илья Муромец, с опаской выглядывал из-под лавки.

Прибытию медиков обрадовались все. Дежурный, лучезарно улыбаясь, поведал:

– А вон и ваш клиент прячется.

С его слов, забрали дядечку из дома, где он отходил после двухнедельного запоя и, опять же, по его собственным словам, никого не трогал. Доставили в отделение, стали выяс-

нять обстоятельства. Помогали собирать анамнез две практикантки из юридического. На свою голову. Вначале задержанный меланхолично отвечал на вопросы, и дежурный уже начал подремывать под монотонное бормотание, как вдруг...

– ВОТ ОН!!! СПРЯЧЬТЕ МЕНЯ СКОРЕЕ!!! – От рева дрогнули стены, а графин с водой издал жалобный бздыньк. Илья Муромец шмыгнул под стол, девчата вспорхнули на стол, дежурный усилием воли и мышц сфинктера подавил желание рыбкой нырнуть в дверной проем.

– Ты что орешь, негодяй? – уняв дрожь в голосе, поинтересовался милиционер.

– Кот! Огромный. Усищи – во! Лапищи – во! В дверь заглянул. Голодный. Мя-аска хочет, гад! – И, на карачках приблизившись к офицеру, доверительно зашептал, крепко держась за брючину: – От самого дома пасет! Вишь, на косточки, – кивок в сторону девчат, – не позарился, хитрый, ему понажористей кого. А во мне только полезного веса кило на сто потянет... Ты вот что, давай, спрячь меня скорее. ААААА!!! СНОВА ЗАГЛЯНУЛ!!!

В общем, в обезьянник задержанный проследовал бодро, но вскоре его вопли поставили на уши двух его новых соседей. Кот не оставлял бедолагу в покое: заглядывал через решетку (дядечка прятался под лавку), появлялся под лавкой (дядечка лез на решетку), его чеширская улыбка светила из помойного ведра (как-то удалось уговорить ведро не выплес-

кивать) – короче, играл с ним, как с мышкой.

Сдавали Илью Муромца только разве что без ковровой дорожки. В машине он первым делом прильнул к заднему окошку:

– Ну ты только посмотри! Следит, скот! – И, перебежав вперед, стал упрашивать водителя гнать что есть мочи.

Выяснив по пути, что в дурдом посторонних не пускают, что на всех окнах решетки и что, идя навстречу пожеланиям трудящихся, администрация ведет активный отстрел бесхозных кошек, собак и бешеных тушканчиков на всей вверенной территории, пациент успокоился. На всем пути до диспансера он только изредка поглядывал в окно, злорадно ухмылялся и крутил большие фиги.

Эпически-ностальгическое

Общежития самарского Меда. Ностальгия. Школа жизни. Ужас и еще раз ужас родителей, бич деканов и комсомольских бонз. Романтика, романтика, романтика. Все молоды и отчаянно бесшабашны, гормоны бурлят, можно не спать всю ночь, а с утра вприпрыжку бежать на лекции, печень способна утилизировать несколько смертельных доз экзогенного этанола, желудок – переварить горсть гвоздей вкупе с парой привокзальных чебуреков, потенция выше разума, сомнение выше потенции – и все это в ограниченном объеме пространства.

Всего общежитий было пять (общаги вечерников и казармы военкафедры не в счет). Пятое общежитие принадлежало фармфакультету. О-о, это было самое шикарное из общежитий! Комнаты по типу квартир, в каждой (боже мой, какой шик!) своя кухня, душ и туалет. В общем, поскольку духу истинной общаги не соответствует, то и говорить не о чем.

Первое общежитие, стоматологическое – это история Самары. Его называют Арцыбуха, поскольку оно находится на улице имени Арцыбушева. Тюрьма. Не иносказательно, действительно бывшая тюрьма еще царских времен. В ней есть даже камера, в которой сидел сам Валериан Куйбышев. В эту камеру на моей памяти селили только студентов-отличников. Двери остались те самые (железо, что ему делается!),

только окошки для раздачи пищи да смотровые глазки в них заварили. И еще одна особенность: потолочное перекрытие не было сплошным. Над коридорами и холлами потолка не было. Все этажи просматривались и простреливались снизу доверху (тюрьма, как-никак), и вдоль всех камер шли металлические мостки с перилами. А поскольку в тюрьме также располагались кафедры химии и биологии, то можно было не только позаглядывать под юбки студенток, бегущих по верхним мосткам, но и плюнуть с высоты на голову особенно ненавистного преподавателя. Однажды во время одного из многочисленных перманентных переездов студенты упустили с мостков холодильник, и он всего на несколько шагов разминулся с профессором, вызвав у того ничем не обоснованную паранойю: профессор был любимый, холодильник тоже.

Второе общежитие занимали педиатры. Пятиэтажка из силикатного кирпича, на каждом этаже – ностальгия любого демобилизованного, взлетка, взлетная полоса – коридор через весь этаж. Запомнилось, как педиатры отмечали получение диплома, устраивая катания в тазиках по ступенькам, а также маршируя под горн и барабан, с пионерским знаменем, в пионерских же галстуках и пилотках; юбочки, шортики и гольфики прилагаются.

Но, поскольку ваш покорный слуга был адептом лечебного факультета, то предмет моей особенной ностальгии – это башни-близнецы, две девятиэтажные свечки красного кир-

пича, третье и четвертое общежития. Все воспоминания и ассоциации нашей студенческой жизни навсегда прочно спаяны для меня с этими блоками на четыре комнаты, плюс один душ, плюс один туалет, плюс две раковины для умывания, с двумя кухнями на каждый этаж, с холлом в центре каждого этажа (лично рисовал картину маслом на стене каждого холла на каждом этаже в «четверке», за что мне было позволено жить вдвоем с приятелем в трехместке), с вахтой (один телефон на всю общагу) и ячейками для почты перед ней.

Каждая осень начиналась с массового заезда. Машины, баулы, мешки, холодильники, телевизоры, много картошки и баночки-баночки-баночки... Пришибленные родители, пьяные пока только от чувства бескрайней свободы студенты, наставления, заверения, поцелуи на прощанье – и понеслась душа в рай! Но, по правде сказать, в полной мере свободой наслаждались лишь старшие курсы: у первокурсников, напуганных страшилками старожилков, были две основные задачи – не вылететь после первой же сессии (а ведь были и условно зачисленные, так называемые кандидаты, помните таких?) и совладать с условиями общежитийского быта. Первое правило общежития – ум гроссен фамилиен нихт кловен клацклац – усваивалось довольно быстро, после первой же сворованной прямо с плиты сковородки с жареной картошкой. Другие учились по ходу, параллельно с изучением расписания занятий и маршрутов общественного транспорта, что в

условиях равномерной диссеминации кафедр и лекционных залов по всему городу было просто необходимо для выживания. Посему первые курсы можно было также отличить по привычке передвигаться большими косяками. Проблема вылета из института сохранялась также и на втором, и на третьем курсах, разве что третьекурсник уже обладал способностью выучить непомерно объемный материал в неправдоподобно короткие сроки и при этом выкроить время для себя, любимого. А уж с курса четвертого и далее начиналась полноценная общежитейская одиссея, исполненная такой степенью познания дао и, в особенности, увэй, что старый добрый Лао-цзы может нервно курить в углу и готовиться записывать урок.

Зима. Промерзающие холлы, обогреватели в каждой комнате, постоянно летящая проводка, счастливые предусмотрительные обладатели керосинок и примусов. Пора инфекций. Наш однокурсник, подхватив особо вредный вирус, решил прибегнуть к народной медицине и лечиться водкой с перцем. С чего он взял, что разводить перец в полстакана водки надо до густоты томатного сока, история умалчивает. Ну, кто ж знал, что вода – и холодная, и горячая – в тот день из-за плохонького напора будет доходить лишь до второго этажа! Покинув наш седьмой этаж приличным спринтерским рывком, Леша неся вниз по лестнице, пугая встречных студентов аномально красным цветом лица и феноменально большими, навывкате, глазами. Кое-кто уверяет,

что из ушей у него вырывались струйки пара. Не видели, но спорить не будем. К слову, простудка-то у него прошла...

С алкоголем дружили. Его пытались победить, ему проигрывали, в его поисках проявляли недюжинную изобретательность. Вспомнить, к примеру, способ, которым избавлялись от красителя генцианвиолета в спирте, слитом из спиртовок на кафедре микробиологии. Или от хлоргексидина; в клинической больнице его добавляли в спирт, чтобы придать последнему невероятную горечь. Лично мною было изготовлено восемьдесят литров вина из чистейшего виноградного сока – подрабатывал грузчиком на плодоовощной базе, и кибир-мудир, на свое горе, разрешил в конце каждого рабочего дня брать домой подпорченного винограда «сколько хочешь, уважаемый». Кто ж ему виноват, что у меня с собой всегда рюкзак был! Так, на всякий случай... Сосед, грузин Ясон, еще очень просил оставить ему виноградные отжимки: «Ты что, из них такая чача получится!» Ну, не знаю, что у него там получилось, но вскоре наши грузины загуляли всей диаспорой, и я, будучи приглашен в самый разгар веселья, должен был признать, что батано сумел-таки меня удивить. Первый раз видел, чтобы тарелки бились о потолок. А еще первый (и, смею надеяться, последний) раз видел летку-еньку в исполнении пятерых крупнокалиберных грузинов, с проходом через стоящий посреди комнаты шкаф с выбитыми дверцами и задней стенкой. Как сказал зачинщик междусобойчика, «что-то особенное в чаче на мандари-

нах, дорогой». Сочетание алкоголя, нарастившего тестостерона и избытка свободного времени подвигало на подвиги, совершенно невозможные в виде трезвом. Чего стоит одна чугунная лавка (три чугунные опоры, три погонных метра и много-много килограммов веса), умыкнутая спьяну в Ботаническом саду тремя студентами и любовно доставленная ими (пешком, естественно) за несколько километров в «тройку» на седьмой этаж. Что характерно, попытка передвинуть лавку поудобнее с утра удалась только коллективу из шестерых трезвых студентов.

НЕТ НИ РУК, НИ НОГ, НИ ГОЛОВЫ,
СТЕНЫ ВСЕ В КРОВИ, НА ПОЛУ-КИШКИ.

СТАРЫЙ ДОКТОР КУРИТ У ОКНА.
А ЗА ОКНОМ - ЗИМА...

Как, кстати, они среди ночи убедили вахтера открыть им дверь – загадка. Наши общаговские вахтеры настолько суровы, что могут смотреть, вздыхая, «Просто Марию», невзирая на выпущенные в атмосферу полбаллона «черемухи», факт проверенный. Проблема запертых на ночь дверей заставляла не одного студента вплотную познакомиться с клаймбингом. Помню картину раннего утра и остолбеневшую вахтершу, вззирающую на спайдерстудента, зависшего на кирпичной кладке на уровне второго этажа, в полушаге от приветливо раскрытого окна. Второй студент в это время втолковывает бабке:

– Вот видишь, тетя Маша, без пяти минут хирург ползет. Отличный хирург. Что хошь отрежет!

Если аварийное восхождение было чем-то привычным и проходило без лишнего шума, то спуск без парашюта за всю историю общаги был всего один и запомнился надолго. Парня звали Статист. Он уже сдал госы и отрывался вовсю. Собственно, в процессе этого отрыва он и выпал с шестого этажа. На кучу песка. Сильно поломавшись и поотбивав себе все что можно и нельзя, он на некоторое время исчез из поля зрения. Ходили слухи, что умер. И вот однажды к жене заявляются однокурсники:

– Ксюх, одолжи сырых яиц!

– Вам зачем?

– Не нам, а Статисту. Его выписали, челюсть в шине, водку пить он уже может, а закусывать толком еще нет. Мы ему

будем яйца через трубочку давать, а то окосеет, снова откуда-нибудь выпадет.

На той пьянке ему подарили значок парашютиста третьего класса. Самое интересное началось, когда Статист пришел за дипломом. Оказалось, что его уже сочли погибшим, и в итоге диплом пришлось выписывать заново.

Строго говоря, падали из окон не только студенты. Была у выпускников такая традиция: все старое – за борт. Посему сведущие граждане весной под окнами общежития старались не ходить и уж тем паче транспорт свой не ставить. Конец весны – пора летающих холодильников. И телевизоров. И другой бытовой техники. На приехавшую в шесть утра за какой-то девахой бандитскую «бэху» скинули горшок с цветами. Для дамы. Нечего дудеть в такую рань. И из газовика нечего палить по окнам. Самого бы разбудили с бодуна, еще бы не такое рассказал. На «уазик» приехавшей к шапочному разбору милиции сбросили быстро свинченный по такому случаю унитаз.

По утрам можно было слышать мерный шум метлы и звон осколков ему в такт, сопровождающийся беззлобными матерными комментариями привыкшего ко всему дворника. О, по утрам, когда большая часть студентов еще пребывала в анабиозе, можно было еще и не такое увидеть. Супруга, например, поднимаясь по лестнице, как-то наткнулась на такую картину: блузка, чуть выше по лестнице – юбка, потом лифчик, потом трусики и, венцом ночной истории, презерватив

в конце пути. Порадовалась в душе за парочку.

Летом вновь съезжались машины, увозя обитателей пустеющих общаг по домам – до следующей осени.

Муж и жена

Рыбак рыбака видит издалека. Некоторые семейные пары настолько подходят под эту поговорку, что просто нечего больше и сказать. Многие из наших пациентов вступают в брак с такими же, как они сами. Когда больше половины участка знаешь в лицо, вместе с историями жизни и болезни, некоторые закономерности настолько очевидны, что даже статистическое исследование можно не проводить, ни к чему это. Для себя знаешь, а доказывать кому-то еще – есть в этом некий отголосок сравнительной фаллометрии.

Валя и Миша. У каждого годы и годы шизофренического стажа, многочисленные госпитализации, инвалидность. Они и на прием обычно приходили вместе. При этом постоянно друг на друга ворчали и стучали:

– Доктор, скажите ей, чтобы пила лекарства. Она не пьет, а без лекарств дура душой!

– Это он не пьет, все уши прожужжал: «Я не больной, у меня особенности!» Видели мы эти особенности, ты, Миша, с ними вчера весь вечер разговаривал и спорил.

– А ты всю ночь не спала! И готовить не умеешь!

– Я тебя, дурака, караулила! А не нравится моя стряпня – вон, в отделении каши гречневой просто завались! Очень помогает от дурных мыслей. Стряпня моя ему не нравится...

И так на каждом приеме. При этом ни один из них ни разу

– ни разу! – не сдал другого в больницу. Очень даже наоборот. Именно эта семья известна в диспансере как киднепперы-рецидивисты. Они похищали... друг друга. Из больницы.

Однажды Валя пришла на помощь Мише, когда того пытались госпитализировать. Нет, связываться с вызванной в поликлинику спецбригадой (тогда Автозаводский филиал диспансера еще располагался в Новом городе, на втором этаже обычной поликлиники) она не стала, здраво оценив неравенство сил. Она просто открыла окно второго этажа и подала проходящему в сопровождении санитаров Мише знак. Окно располагалось как раз над пристройкой крыльца. Без вреда для конечностей дражайший супруг сиганул в окно, очутился на пристройке, потом спрыгнул на асфальт и был таков. Справедливо полагая, что никто не будет подвергать ее гонениям, Валя преспокойно покинула поликлинику.

Второй раз Валя вызволила благоверного уже из отделения. Когда Миша стал чуть спокойнее, и супругам разрешили свидания, она задействовала нехитрый план. Дело в том, что находящиеся в отделении больные видятся с родственниками в крыле, из которого есть выход непосредственно на улицу. Изначально это придумали, чтобы свидания, прием передач, а соответственно, и весь поток родственников проходили в стороне, противоположной ординаторским, которые, соответственно, выходили на внутрибольничные коридоры. Валя принесла с собой не только передачку, но и одежду, чтобы было во что переодеть мужа после побега. Далее

спектакль был разыгран как по нотам. Прощаясь, Валя подошла к двери, которую уже начала открывать санитарочка, но вдруг повернулась к удаляющемуся супругу и, заломив руки, воскликнула:

– Миша, поцелуй же меня на прощанье!

Все же злые шутки порой играют с нами мексиканские сериалы. Санитарка отвернулась, чуть не пустив слезу от умиления, и тут же была снесена на метр в сторону легким движением Валиного бедра, а оба супруга ринулись прочь, на свободу!

Долг платежом красен, и на следующий раз была уже Мишина очередь вызволять жену из дурдома. Он прибег к более масштабным действиям. В то время въезд в диспансер еще не был перегорожен шлагбаумом, и Миша беспрепятственно проехал внутрь на машине. Как он уговорил таксиста на такую авантюру, история скромно умалчивает. Наша (новая!) психбольница в плане своем напоминает букву «Жо», и прогулки больных происходят во двориках, образованных ножками этой буквы. Медперсонал выносит длинные лавочки и, садясь на них у открытого края двориков, создает для гуляющих больных преграду. Как выяснилось, весьма условную. Когда «шоха» на скорости вылетела из-за угла, никто и опомниться не успел, как Валя, в лучших традициях кенийских бегунов, взяла старт, ласточкой вспорхнула над лавкой и пригнувшимися санитарками, вскочила на заднее сиденье – и экипаж покинул гавань.

Надо ли говорить, что НИ РАЗУ вдогонку за супругами по их адресу не выслалась спецбригада? Себе дороже.

БЛУЖДАЛ ВО ТЬМЕ,
ИСКАЛ СЕБЕ ПОДОБНЫХ
НАШЕЛ...

БЛЯДЬ! ЛУЧШЕ БЫ НЕ ИСКАЛ...

То ли лыжи не едут...

Эта история случилась, когда мы были на интернатуре в Самарской психбольнице. Жена несколько месяцев посвятила работе и учебе в тамошнем женском отделении. По территориальному принципу оно обслуживало городские окраины (Мехзавод, Красную Глинку), а также всех иногородних и бомжующих дам. Коллектив – золотой, грамотный, слаженный. Само здание отделения – обособленно стоящая древняя одноэтажная деревянная постройка с собственным огороженным двориком, где летом устраивался огорожок и всячески лелеялись цветочные клумбы – обладало какой-то неповторимой харизмой, служащей неназойливым фоном для в общем-то тяжелой ежедневной работы, которая благодаря мастерству сотрудников казалась непринужденной, ненавязчивой и даже какой-то идиллической. Наша интернатура по времени пришлась как раз на внедрение «Закона о психиатрической помощи и гарантиях соблюдения прав граждан при ее оказании». Речь там, в частности, шла о том, что теперь или больной давал письменное согласие на лечение, или лечащий врач получал геморрой, обосновывая законность пребывания отказника в отделении. Для этого в суд писалась телега с просьбой дать санкцию на недобровольное лечение имярек. Суд рассматривал заявление и, как правило, санкцию давал. Но однажды...

В ординаторской появились две молоденькие козючки с огромными ресничницами, предъявили служебные удостоверения и изъявили желание учинить проверку законности пребывания вновь поступивших пациенток. Глазищи юных жриц Фемиды горели огнем праведного гнева, обращенного на злокозненный врачебный персонал: мол, томите в адском плену невинные души, ну ведь томите же, ну, признавайтесь на счет «раз»! От чая с малиновым вареньем и домашними плюшками они гордо отказались: мол, знаем ваши уловки, нас не купить бочкой варенья и корзиной печенья. Сокрушенно вздохнув, коварный Чингачгук ди гроссе шланге Игорь Васильевич, он же в народе зав. отделением, дал санитарочкам распоряжение сей же секунд подать сюда Маринку.

Как Маринка попала в отделение – песня отдельная. Где-то за неделю до этого у нее случилось обострение, начались голоса, и появились всякия вредныя мысли. Маринка ушла из дома. В дремучий лес. В красном платье. За неделю лесной робинзонады платье изрядно поистрепалось, обувка потерялась вовсе, и девчонка являла собой очень живописное зрелище, способное вызвать столбняк даже у медведя-шатуна. Скитаться ей, судя по всему, к исходу недели надоело, и она, выйдя на трассу, стала голосовать. С собой у нее была чудом сохранившаяся монетка; Маринка рассудила, что легковушка ее за такие деньжищи никуда не повезет, и ее выбор пал на грузовой транспорт. В итоге пострадали несколь-

ко водителей грузовиков: как только машина притормаживала, эта кикимора в красном врывалась в кабину и начинала кусаться и царапаться. Мужики, кое-как отбившись, давали по газам и надолго зарекались связываться с голосующим на дороге женским полом. Наконец, нашелся один, который сумел ее скрутить и – оцените сознательность! – довезти до психбольницы.

Маринка вошла в ординаторскую и села на предложенный стул. Стараниями санитарочек, отмывших, заботливо расчесавших колтуны и даже соорудивших какую-никакую прическу, вид у девушки был самый что ни на есть приличный, если не считать больничного халата веселенькой расцветки, делавшего ее немного похожей на цыпленка-переростка. И если не обращать внимания на особый огонек в глазах. Проверяющие оживились, только что руки не стали потирать, но сдержались.

– Марина, расскажите, как вы здесь оказались, как вы себя **ЗДЕСЬ** чувствуете?

И Марина рассказала. В своей обличающей речи она посетовала и на режим (нахмурился зав.), и на скудное питание (схватила за сердце санитарочка, лично следящая, чтобы все было выпито и съедено), и на грубость персонала (заерзали ординаторы). Консенсус больной и двух юных законниц рос и крепчал с каждой минутой повествования, они ахали, охали и бросали на докторов пристальные взоры. Праведный гнев близился к точке кипения и был уже на опасной

отметке, когда негодница пожаловалась, что ее грозились даже (боже мой, вся просвещенная общественность рыдает и выходит на тропу священной войны) ПРИВЯЗАТЬ К КРОВАТИ!

– За что?!

– Так вот и я спрашиваю – за что?! Брата моего убили? Убили!

Видя сетку прицела в двух парах очаровательных глаз, Игорь Васильевич попытался робко возразить:

– Мариночка, он же у тебя умер черт-те когда!

– Молчите!! – это Марина и проверяющие, хором. Ага! Скелетики в шкафах, доктора!

– Убили! Вот, смотрите. – И Маринка, подойдя к окну, жестом подозвала девчонок. Те, сдерживаясь, чтобы не бежать вприпрыжку, важно подошли.

– Вон в той вон посадке и прикопали. А он со мной оттуда говорит. И говорит, и говорит. Когда по делу что скажет, а когда ерунду несет. Кто? Да ты и несешь! Скажи еще, советчик нашелся! Ага, как же! Ему прогулы на городском погосте ставят, а он все туда же, под юбки этим двум зассыхам смотреть! Да щазз, сам заткнись!

По ходу этого пламенного монолога лица девчонок-проверялок вытягивались, глазки становились большими-большими, а губки складывались в две буквы «О». Наконец одна из них очнулась от оцепенения:

– Женщина, вы что, ДУРА?

Практически не меняя ни скорости, ни интонаций, Маринка, полуобернувшись, ответила:

– Ха! Конечно, дура! Иначе чего я здесь лежу!

Вот на сей замечательной фразе и закончилась эта проверка.

Дебильная демография

Эта история из копилки жены. Ей, как участковому психиатру, нет-нет, да и приходится бывать дома у пациентов нашего учреждения. На этот раз по распоряжению главного врача нужно было освидетельствовать даму с чужого участка и дать ответ гинекологам, может ли она по своему психическому состоянию вынашивать ребенка. Супруга прибыла на место и на несколько минут лишилась дара речи. Четырехкомнатная квартира улучшенной планировки была... Пожалуй, слово «угваздана» – слишком далеко от действительности; с таким же успехом можно утверждать, что Фрейд имеет некоторое отношение к психоанализу. Чтобы привести этот вертеп в порядок, надо было бы сначала пройтись огнеметом, потом брандспойтом, а потом замуровать дверь и забыть адрес. Атмосфера, точнее, ее насыщенность, также поражала и отключала обонятельные рецепторы с третьего робкого вдоха. А еще перманентный шум. Топот, беготня, детские крики и плач, и все на одном уровне громкости. Достаточно, чтобы вести все разговоры на грани крика.

Пациентка обнаружилась в дальней комнате. Подняться с кровати она не могла, поскольку после инсульта уже полгода как была парализована. И четыре месяца как беременна! Это не считая того, что у нас на учете тетенька состоит с детства по поводу умственной отсталости в степени умеренно

выраженной дебильности. Равно как и ее супруг. Равно как и ОДИННАДЦАТЬ их детей. Опустив за явной бесперспективностью вопрос, как у них хватило ума заниматься сексом в раннем постинсультном периоде, жена задала другой, вполне закономерный:

– Куда вам столько?

Ответ поражал своей незамутненностью:

– Умненького хотели!

Инородные тела

Вспомнил несколько случаев, описанных нам, тогда еще студентам, преподавателями родной alma mater.

Первый. Привезли в гинекологию даму откуда-то из-под Самары. В сопроводительном листе запись сельского фельдшера. Дословно: «Хрен в матке». Пока персонал приемного покоя рыдает от смеха и бьется в истерике, что называется, пацталом, доктор собирает анамнез. Выясняется: у замужней дамы появился любовник, о противозачаточных она, возможно, даже слышала, но по простоте душевной искренне полагала, что все это ухищрения городских проституток и честной барышне не к лицу или... ну, вы поняли. Честной барышне достаточно подмыться и сходить в баню. Мол, зверек по имени сперматозоид от жару делается квелым и проявить свою коварную сущность никак не может. Посему задержка месячных привела деву в смятение чувств и помутнение разума, ибо ничем иным попытку вытравить плод с помощью заостренного корешка хрена не объяснишь. Надо отдать должное ее упорству: она прекратила попытки хрено-пенетрации, только когда корешок этого, вне всякого сомнения, целебного растения обломился в канале шейки матки! Облом, иначе и не скажешь. Да еще и от мужа по шее получила. В итоге все закончилось хорошо: хрен извлекли, матку вычистили, барышне мозги промыли. Все, как в сказке.

Второй. На сей раз – приемный покой лор-отделения. У пациента инородное тело в пищеводе и золотая цепочка изо рта. При этом пациент ни в какую не колется, что именно за предмет застрял у него в организме. Делают рентген – часы. Не наручные, а те, что джентльмены носят на цепочке в кармане жилета. Послушали фонендоскопом (спросили потом врачи, зачем; он ответил – глупость, но не мог себе отказать в удовольствии) – тикают! Часы застряли на уровне фарингеального сужения, пищевод спазмировался и намертво их заблокировал. Выяснилось (уже потом, когда брегет был извлечен), что имел место спор, который и был выигран пациентом. Никто же не требовал от дядечки, чтобы процесс поглощения был завершен актом дефекации. За цепочку вытянуть часы спорщику не удалось, пришлось набирать 03.

Третий. Вечером в отделение хирургии был экстренно доставлен мужчина с проникающим ранением брюшной стенки. Угадайте чем? Ломом! Причем лом (вылетел на приличной скорости то ли из-под пресса, то ли из карусельного станка – им что-то там ремонтировали, а кто-то включил) пробил оба бока насквозь ниже ребер, чудом не разорвав ни кишечник, ни печень. Как мужика транспортировали – целая история. Лом торчал из боков в обе стороны, и даже просто нести пострадавшего по коридору на носилках было проблематично. А уж везти в машине (не спрашивайте меня, я не в курсе!) и поднимать по лестнице... Надо сказать, лом извлекли без особых проблем, послеопераци-

онный период прошел без осложнений. Хохма была следующим утром, на пятиминутке. Как положено, пятиминутку проводил профессор, ОЧЕНЬ именитый, уважаемый, заслуженный, не дышать, благоговеть, есть начальство глазами. В самом разгаре доклада входит студент с ломом наперевес. Ночная смена в курсе, потому молчит. Профессор, скучающим голосом:

– И что это вы нам тут принесли, товарищ студент?

– Иностранное тело, товарищ профессор! – отвечает тот, вид имея лихой и глупый.

– ЧТО, БЛЯ? – Небожитель принимает вид нормального, вменяемого, но слегка охреневшего пенсионера.

Ситуацию разрушили, казус доложили, лом приобщили к кафедральной коллекции иностранных тел.

Обликвус

Среди преподавателей мединститута есть те, что запоминаются на всю жизнь. Обликвусу досталось редкое счастье: его знают и помнят даже студенты, которым он никогда ничего не преподавал. Прозвище вполне отражает одну из его анатомических особенностей (специально для людей, далеких от медицины: «obliquus» по-латыни – косой). Есть сармарский студенческий анекдот: едут студенты в битком набитом автобусе второго маршрута (тоже легенда) и обсуждают преподавателей анатомии.

– А у нас Обликвус.

– Кто такой?

– Да есть один: косой, хромой, бородатый и заикается.

– За-ато не кэ-курю! – раздается голос сзади.

Наше знакомство с Обликвусом тоже происходило в весьма запоминающейся и своеобразной манере. Придя в анатомичку, мы собрались в учебной комнате. Занятие, судя по часам, должно было уже минут десять как начаться. И тут в приоткрытую дверь последовательно пенетрируют: нога, рука, борода и глаз с бельмом. Пауза, затем второй глаз. Последний сосредоточивается на нас, и раздается голос:

– Кэ-акая гы-руппа?

– Сто двадцать вторая, – отвечает староста.

– А-а-а-а вот и я, – отвечает Обликвус и заходит в комнату

уже целиком.

– Гы-оворите, учили пэ-озвонки шейного отдела?

– Да, – гордо отвечаем мы.

– Опэ-тимисты, – заявляет он и бросает одному из студентов связку позвонков, которую до сего момента вертел в руках. – Мы-аэстро, у вэ-ас пять се-екунд, чтоб назвать, какой это пэ-озвонок! – С этими словами он тычет пальцем в один из связки.

– Вы-ремя вышло, два! Ваша очередь, бэ-арышня!

В рекордно короткие сроки обананивается вся группа. И начинается собственно учеба. Обликвус учил интересно, с задором, с подколами, расслабиться не мог никто.

– Кы-кислецова, что такое ductus ejaculatorius? Как не знаете? Это такой пэ-роток, по которому мэ-маленькие, с хвостиками бе-егут-бе-егут – и пы-ривет, Кы-кислецова!

– Бе-елов нас уверяет, что у я-аичка есть верхний угол и нижний угол. Сы-вятые угодники, они, по-вашему, ты-реугольные, что ли? Или, не пы-риведи господь, кэ-вадратные? А-ага, и зы-венят...

Это благодаря ему мы выучили общеизвестный стишок:

Как на лямина криброза
Поселилась криста галли,
Впереди – форамен цекум,
Сзади – ос сфеноидале.

Это он старался, чтобы группа всегда была обеспечена

анатомическими препаратами:

– Эх, не у-успели, сэ-оседи лоток с пенисами сы-лямзи-ли... Ну, ничего, за час наиграются, отдадут.

Это он, обладая по природе неиссякаемым источником жизнелюбия и какого-то ребячьего озорства, мог сподвигнуть на спонтанную посиделку половину преподавательского состава, а потом прятаться в шкафу от второй, более сознательной и в чем-то справедливо негодующей второй его половины во главе с собственной матерью, почтенных лет преподавателем анатомии. И только он с его ревнивой фортуной мог выпасть из шкафа аккурат ей под ноги с воплем «мама!».

Это он застрял между двух березок, сдавая на своей машине задним ходом, и горестно изрек:

– Гэ-оворила мне м-мамочка – купи «Москэ-вич», он уже!

Его было невозможно не любить. Он больше, чем просто преподаватель, он – часть наших студенческих легенд.

Еще одна белочка. И лошадка

Этот случай произошел довольно давно, когда наш родной психдиспансер еще находился за городом, на Федоровских лугах. Спецбригада поехала на вызов. Там оказался пациент с классической белой горячкой: зрительные галлюцинации, прятки, погони – в общем, кино и немцы. Само собой, приезду отъявленных гуманистов в белых халатах он не особо обрадовался и, как в той песне, бесплатно отряд поскакал на врага... Ну, поваляли друг дружку, потом скрутили болезного, посадили в буханку. Дорогой пациент все порывался то из машины выпрыгнуть, то с ребятами силушкой помериться – то есть развлекался как мог. Дорога, соответственно, оказалась длинной: шутка ли, три района да окраины! То ли водитель очень сопереживал происходящему в салоне, то ли еще какая причина, но, когда на дорогу выскочила лошадь, он просто не успел как следует среагировать.

Лошадь была небольшая – так, жеребенок-переросток. Непонятно, как она очутилась на дороге и откуда ускакала, но только что ее не было – и вот она лежит и жалобно ржет. В спецбригаде работает исключительно душевный народ, поэтому скотинку в беде не бросили. Где-то перевязали, что-то наложили и решили, отработав вызов, свезти пострадавшую к знакомому ветеринару. Сказано – сделано. Животинку сообща подхватили и через задние двери погрузили в салон.

Надо сказать, что тот, другой страдалец как-то сразу притих, скукожился и весь остаток пути пребывал в созерцательной задумчивости.

По прибытии пациента номер раз доставили пред светлы очи дежурного врача. Тут надо оговориться, что в отношении алкоголиков у диспансера выработалась жесткая и четкая, вполне оправданная практика: есть психоз – велкам ту Бедлам, нет психоза – геть до наркологии. Осмотрев и расспросив притихшего дяденьку, доктор посуровел и изрек:

– Нет тут психоза. Везите в наркологию.

Вот тут-то бедолага не выдержал.

– Что?!! Я!!! С этими отморозками?!! Да ни в жисть!!! – И, подскочив к доктору, бросился на колени и скороговоркой зашептал: – Нет, нет, вы что, лучше положите меня, я с ними не поеду, у них **ЛОШАДЬ В МАШИНЕ!!!**

Доктор понимающе посмотрел на больного, кивнул и сел писать первичный осмотр в истории болезни.

P. S. И лежать бы ему от силы дней десять-четырнадцать, но спецбригада умеет хранить секреты. Аж целый месяц.

НАРКОЛОГ

ГИПНОТИЗЁР

Довженко и не снилось

На интернатуре я некоторое время работал и учился под началом... скажем, Семена Семеныча, человека во многих отношениях незаурядного. Был период, когда патрона целый месяц за какие-то заслуги исправно снабжали свежайшим нефилтрованным пивом, и утренние пятиминутки могли плавно перетечь в небольшие посиделки под лозунгом «по глазам вижу, у всех вчера был сложный и эмоционально насыщенный вечер, так что не стесняемся, мальчики большие, посуда в шкафу». А еще шеф кодировал алкоголиков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.